

Евгений СУХОВ

УЛОВКА МЕДВЕЖАТНИКА

Медвежатник

Евгений Сухов

Уловка медвежатника

«ЭКСМО»

2008

Сухов Е. Е.

Уловка медвежатника / Е. Е. Сухов — «ЭКСМО»,
2008 — (Медвежатник)

Знаменитый русский медвежатник Савелий Родионов организовал ограбление «Российского купеческого банка». В хранилище банка воры проникли, пробив отверстие в стене из ресторана, расположенного по соседству. Начальник Московской сыскной полиции Виноградов был поражен ловкости, с какой орудовали преступники. Но куда грабители денут процентные бумаги на два с половиной миллиона рублей, похищенные из банка? Наверняка, попытаются «впарить» какому-нибудь заезжему богачу. И тогда в роли «заезжего богача» выступил молодой помощник начальника полиции Краюшкин...

© Сухов Е. Е., 2008

© ЭКСМО, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	32
Глава 9	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Евгений Сухов

УЛОВКА МЕДВЕЖАТНИКА

Глава 1

НОВОЕ ДЕЛО

Савелий болезненно переживал расставание с Елизаветой. Никогда прежде ему не доводилось испытывать столь острую горечь, как в тот момент, когда она, прикусив от обиды губы, свернула в переулок, даже не обернувшись на прощание.

Савелию Родионову отчего-то верилось, что Лизе будет так же невыносимо тяжело, как и ему, что под грузом навалившейся тоски она непременно должна сгорбиться в три погибели, потускнеть взглядом. Но, встретив ее случайно на Тверской, прогуливающуюся в обществе молодого человека, он понял, что ошибался. Елизавета что-то оживленно рассказывала своему спутнику, а тот взирал на нее с мальчишеским обожанием, вслушиваясь в каждое оброненное слово.

Разлука не испортила ее внешности, разве что добавила во взгляд немного грусти, которая невероятно шла ей. На лице за прошедшее время невозможно было рассмотреть даже следы увядания, Лиза по-прежнему была хороша, как и в день их знакомства, когда, будучи еще слушательницей женских курсов, непосредственно и с большим аппетитом хрустела французской булкой, вызывая у всякого, кто за ней наблюдал, невольные улыбки.

Встретившись с ней взглядом, Савелий Родионов рассчитывал рассмотреть в глазах Елизаветы нечто похожее на растерянность, но уголки слегка полноватых губ лишь дрогнули в дружелюбной улыбке, узнавая бывшего возлюбленного. И ничего более!

Елизавета проследовала со своим кавалером дальше все той же неторопливой и грациозной походкой, отряхаясь от всего того, что связывало их прежде.

Околдованный неожиданной встречей, Савелий с минуту стоял неподвижно, не замечая нечаянных толчков прохожих, продолжая буравить взглядом ее прямую узкую спину и надеяться на то, что она все-таки обернется. Но Елизавета уже позабыла о нем окончательно, как о старой стоптанной обуви, бережно подхватив молодого человека под руку.

Еще каких-то полчаса назад ему казалось, что он сумел оттеснить Елизавету на задворки памяти, чтобы окончательно позабыть ее, он желал стереть все те переживания, что связывали их прежде. Однако стоило увидеть ее мельком, как все те чувства, которые, казалось, окончательно были похоронены в его душе под толстым слоем тревог, вдруг воскресли и вызвали эмоциональную бурю.

В какой-то момент Савелию даже захотелось броситься за Елизаветой. Поделиться с ней накопившимися переживаниями, рассказать о том, насколько он был не прав. Савелий Родионов даже подался вперед, нелепо переступив через край бордюра, но потом остановился, покрившись свершившемся.

Он продолжал возвращаться мыслями к своей бывшей возлюбленной. Лиза не отпускала его, заставляла страдать. Отчего-то ему казалось, что нелепую размолвку, случившуюся между ними, она переживает столь же болезненно, как и он, но подсмотренная действительность заставила убедиться в том, что его образ если уж не истерся из ее памяти, то изрядно успел потускнеть.

Теперь Елизавета любила другого и, судя по тому, что он увидел, была желанна. Она и раньше умела наслаждаться жизнью, и сейчас, расставшись с ним, не обременяла себя душевными переживаниями и окунулась в новые для себя впечатления.

Савелий продолжал страдать. Улыбающееся лицо Елизаветы продолжало тревожить его, оно стало для него наваждением. Родионов продолжал ее любить и мучиться от того, что они не вместе, а Лиза, позабыв о проведенных в счастье годах, продолжала поживать насыщенно, лишь едва удостоив сдержанным кивком при нечаянной встрече.

Савелий не однажды возвращался к их последнему разговору, когда Елизавета, позабыв про гордость, откровенно упрекнула его в том, что они до сих пор не обвенчаны. Тогда, не разглядев в ее глазах тоски, Родионов свел сложный разговор до обыкновенной шутки, за что в дальнейшем поплатился, потеряв любимую.

И вот сейчас Елизавета появилась вновь, чтобы причинить ему очередное страдание.

* * *

Единственное средство, которое хоть как-то могло отвлечь его от прежней симпатии, был риск, который способен изрядно пощекотать нервы. Подумав, Савелий решил ограбить банк, взяв на себя роль организатора.

Следовало присмотреть подходящий объект для взлома. Таким оказался «Российский купеческий банк», куда раз в месяц доставлялись процентные кредитные бумаги, имевшие хождение даже в Европе. Для предстоящего дела оставалось только подобрать подходящих людей.

Первой, на кого обратил внимание Савелий Родионов, была Анна Герасимова, работавшая в кредитном отделе. Именно через нее проходили существенные суммы. Молода. Легкомысленна. Непостоянна в отношениях с мужчинами. Не следовало мудрствовать, чтобы очаровать её, – достаточно было подарить золотые сережки с браслетом, чтобы заполучить её полное доверие.

Набравшись терпения, Савелий Родионов со скрупулезностью дотошного сыщика принялся собирать на нее досье и очень скоро убедился, что она совсем не та женщина, за которую себя выдает. В действительности жизнь Анны делилась на две части: в первой она была примерной служащей, а вот во второй, пожалуй наиболее интересной, являлась подружкой московского шнифера Ираклия Евдокимова.

Впрочем, это обстоятельство нисколько не мешало ей завести роман с приятелем своего жениха Тимофеем Макарьевым. Похоже, что Ираклий догадывался о том, что он у нее не единственной, но подобные мелочи его не особенно-то и волновали.

Беззаботная, порхающая по жизни легким мотыльком, жадная до новых впечатлений, Анна была просто создана для развлечений и была невероятно огорчена тем, что не получает их в полной мере. Она сумела внести в его жизнь некоторое разнообразие, и в какой-то момент Савелий сумел даже позабыть о Елизавете.

Едва ли не все разговоры с ней сводились к тому, что она мечтает разбогатеть и тогда уж обязательно осчастливит мир своим присутствием.

Подобрав подходящий момент, Савелий произнес:

– Детка, у тебя есть возможность скупить этот мир со всеми потрохами.

Самые чувствительные места у женщин – это губы, в какой-то степени они отражают состояние ее души. Уголки губ Анны растянулись, обнажив жемчужные губы.

– Ты это серьезно?

– Я никогда не был более серьезен, чем сейчас, – отвечал Савелий, продолжая наблюдать за ее губами.

– И что я должна сделать? Ограбить банк? – произнесла она в шутку.

Савелий отрицательно покачал головой:

– Нет, это сделают за тебя другие. Например, твой жених со своим приятелем Макарьевым.

Наступил самый драматический момент. Сначала губы сложились в трубочку, и в какой-то момент Савелию даже показалось, что он услышал вздох разочарования, но уже в следующий момент беленький острый клык слегка прикусил нижнюю губу. Барышня размышляла всерьез. Узкий язычок слизал проступившую кровь, похоже, что она уже приняла решение.

– Откуда ты знаешь про них?

– Я многое знаю как про тебя, так и про них. Скажу так, я не завожу случайные знакомства, – сдержанно отвечал Савелий.

– Ах, вот как. И кто же они?

– Мне известно, что оба они шниферы. В настоящее время маются без работы и ждут заказ на выгодное дело. Я даже знаю, сколько они берут за свое дело.

Девичьи губки вновь сложились в трубочку. Похоже, что барышня еще не пришла к окончательному решению.

– И сколько же?

– За свой выход они берут четыре тысячи, – широко улыбнувшись, добавил: – Столько берет за свой выход на сцену только Федор Шаляпин. Он тоже большой артист.

– Они спросят у меня, сколько в банке будет денег.

– Хм... Возможно. Но они получают только за работу. Таковы условия.

Губки у Анны были аппетитные и весьма чувствительные, всецело отражая ее внутреннее состояние. Теперь они слегка выпячивались, обнажив светло-розовую поверхность рта.

– Им этого может показаться мало, – предположила Анна.

Савелий Родионов развел руками:

– Что ж, в этом случае мне придется подыскать других исполнителей.

– Я поговорю с ними... Но как вы собираетесь справиться с сигнализацией? Чтобы ее отключить, потребуется слишком много времени. И где уверенность, что вам удастся сделать это?

– У тебя есть какие-то предложения?

– Я могу найти человека, который отключит ее.

– Что это за человек?

– Он называет себя Сержем, говорит, что служил в армии, проигрался в карты и вынужден был уйти в отставку. Но мне кажется, что у него в биографии немало темных пятен.

– Я выясню, что это за человек. Сколько он возьмет за свою работу?

– Думаю, ему хватит и двух тысяч.

– Сгодится. Переговоришь с ним об этом сама. Для него меня не существует.

– Поняла.

– Лучше его свести с Макарцевым, чтобы они действовали сообща.

– Думаю, что он не пойдет на это. Слишком он осторожен.

– Это не так и плохо. У тебя есть какие-то соображения на этот счет?

– Можно поступить по-другому. Он напишет, как нужно сделать, а я эту записку передам Макарцеву. Он проникнет в банк и отключит сигнализацию.

– Ты деловая барышня, и это мне нравится. Хочу тебе сказать, у меня тоже много недоброжелателей, и я бы не хотел, чтобы во время встречи с Макарцевым он видел мое лицо. Предупредишь его, что я буду сидеть к нему спиной, пусть привыкает. Сумеешь объяснить?

– Твое желание ему не покажется странным.

– Вот и отлично. Я буду ждать Макарцева завтра в это же время. За этим же столом.

Савелий Родионов ушел, слегка кивнув на прощание.

Глава 2

ПОЧЕМ БАНК?

К предстоящему дню Савелий Родионов готовился основательно. Никогда прежде он не выступал в качестве заказчика, обычно предпочитая лично взламывать сейфы. В этот раз все обстояло иначе (интересно попробовать себя в новом качестве), и он должен будет поделиться своими знаниями с исполнителями. Главное, чтобы шнифера не опознали в нем короля медвежатников.

После некоторого раздумья Савелий Родионов прикупил в театральной лавке для предстоящей встречи парик, широкую бороду и длинные усы. Подумав, приобрел еще и шляпу с широкими полями, которая должна была скрывать лицо.

Наклеив театральный реквизит на лицо, Савелий Родионов остался доволен, справедливо решив, что в таком облике его не узнал бы даже старый Парамон. Для завершения образа нужна была красивая костяная трость, которая станет оттягивать на себя взгляды. Подумав, Савелий приобрел антикварный костыль с серебряным набалдашником. Глянув на себя в зеркало, остался доволен переменами и направился к месту встречи.

Тимофей Макарец, расположившись за столом, явно скучал. На столе возвышалась бутылка вина, наполовину початая. И следовало надеяться, что содержимое добавило ему настроения.

Приблизившись, к Макарецу со спины, Савелий произнес:

– У вас свободно?

Тимофей Макарец, едва глянув на подошедшего франта недружелюбным взглядом, произнес:

– Сударь, мне бы хотелось побыть одному. В кабаке достаточно места.

Пренебрегая напускной хмуростью Макареца, Савелий Родионов расположился на соседнем стуле, боком к Макарецу и, оперевшись ладонями о серебряный набалдашник трости, произнес:

– Похвально. Вижу, что вы именно тот человек, который мне нужен.

– Вы от Анны? – голос шнифера малость размяк.

– Да, от нее.

Шнифер, едва кивнув, принялся рассматривать серебряный набалдашник в виде гривастого льва.

– Хм... Борода... Я вас представлял несколько иначе, – хмыкнул Макарец.

– Не надо на меня глазеть. Вам достаточно моей спины.

– Так неудобно разговаривать.

– Придется потерпеть, – отвечал Савелий.

– Как мне вас величать?

– Можете называть меня Назаром.

– Хорошо, Назар. Почему вы обратились именно ко мне? – не скрывая настороженности, спросил Макарец.

– У вас большой послужной список, Тимофей, – ответил Савелий Родионов. – И это мне подходит. Я навел о вас кое-какие справки... Год назад в Харькове вы взломали укрепленный сейф, как банку с сардинами. Весьма впечатляюще!

На лице Макареца застыла блаженная улыбка.

– Работа мне доставила удовольствие.

– Но вместо ожидаемых четырехсот тысяч в сейфе оказалось всего лишь пятьсот рублей.

– Верно, – раздосадованно произнес Макарец. – Было очень обидно. Двести саренок пришлось отдать Парамону с Хитровки. Откуда вам это известно?

– Неважно... У меня свои источники. Полгода назад на Остоженке был вскрыт ювелирный магазин. Из сейфа похищено золотых изделий почти килограмм.

Улыбка Макарева сделалась шире.

– Было дело, – легко согласился Тимофей Макарец. – Потом в Берлине мы на эти деньги месяц кутили. Только как же мне вам верить, господин хороший? О таких вещах могли знать только фараоны. Может, вы того... из сыскной полиции? – осторожно поинтересовался Макарец. – На деле меня хотите взять. Я с поклажей из банка буду выходить, а меня тут легавые тепленьким примут. И припишут мне не только мои старые грехи, но и чужие. Уж больно мне не хочется на каторге гнить!

Савелий понимающе кивнул:

– Похвально... Я ожидал этого вопроса. Хорошо, что он задан. Это еще раз доказывает, что выбор мой сделан верно. Мне нравится ваша недоверчивость, а чтобы совсем развеять ваши сомнения скажу, что Парамону за хорошую наводку вы отдали золотой крест с восемнадцатью бриллиантами.

– Точно! – восхищенно выдохнул Макарец. – Так оно и было. Об этом старый черт мог сказать только своему доверенному. Может, выпьем за знакомство, сударь?

– Предпочитаю выпить за завершение дела, – произнес Савелий Родионов.

– Принимается. Я – шнифер, мое дело серьги с замков срывать, забрать то, что мне заказано, и получить за свою работу хорошие саренки. Но мне нужно точно знать, как проникнуть в банк и время, когда там никого не будет.

– Это вас не должно беспокоить. Я сделал все, что нужно, – ответил Родионов, поглядывая по сторонам.

Народу в зале было немного. Располагались в основном у больших окон, через которые просматривалась набережная Москвы-реки. В самый угол забились молодая пара, по всей видимости студент с гимназисткой, и с упоением наслаждались обществом друг друга.

– Ваша задача – взломать сейф, вытащить содержимое и передать его мне. Я с вами расплачиваюсь, и мы расстаемся с самыми добрыми чувствами.

– Мне это подходит, – кивнул Тимофей Макарец. – Какой мой выход?

– Пять тысяч, – растопырил Савелий ладонь.

Лицо Макарева расплылось в довольной улыбке.

– Щедро, однако. За что же такие деньги?

– За тайну, которую вы будете держать за зубами, – сдержанно заметил Савелий.

– Для меня это не сложно.

– Вот и договорились.

– Авансец бы, для поднятия настроения.

– Две тысячи я могу отдать прямо сейчас, а остальные после того, как будет выполнено задание. – Родионов положил деньги на стол.

Один из половых, явно скучая, смотрел в их сторону, и это Савелию не понравилось. Приподняв подбородок, он произнес:

– Вы что-то хотели сказать, сударь?

– Нет, но... – Половой исчез в служебном помещении.

Сполна насладившись сконфуженностью работника, Савелий Родионов продолжил:

– Вот вам еще четыре, – вытащил он из кармана пухлую пачку денег.

Рука Савелия накрыла пачку денег в тот самый момент, когда Макарец дотянулся до нее кончиками пальцев.

– Вы не хотите у меня спросить, за что столь щедрое вознаграждение? – губы Родионова застыли в ехидной усмешке.

Рука Макарцева медленно отползла назад, и пальцы, заросшие короткими рыжими волосами, оплели стакан с вином.

– Надо полагать, это подъемные?

– Вы не угадали. Без моей помощи этот сейф вам не одолеть. Даже такому искушенному шниферу, как вы, придется малость поучиться и выслушивать мои наставления. Можете воспринимать эти деньги, как плату за учебу. Из них вам нужно будет купить сверла, дрели, батареи. – Вытащив из кармана исписанный лист бумаги, он положил его на стол и добавил: – Здесь целый список всего того, что нужно прикупить. – Начеркав на листке несколько слов, добавил: – По этому адресу будет аналогичный сейф. Сначала как следует поупражняйтесь на нем.

– Понятно. – Взяв бумагу, Макарцев внимательно прочитал список. Одобрительно хмыкнул: – Вам, часом, самому не приходилось вскрывать сейф?

В какой-то момент Савелию Родионову показалось, что Макарцев сумел раскрыть его тайну, но опасения рассеялись, когда тот перевел взгляд на руки, сжимавшие серебряный набалдашник. Правый уголок губ шнифера слегка дрогнул, выдавая пренебрежение. Для него Савелий оставался всего-то чудаком, сорящим деньгами, – уж слишком холеными выглядели его пальцы.

– Не угадали, – ровным, лишенным всяких интонаций голосом сообщил Савелий Родионов. – Я занимался разработкой этих сейфов и знаю наиболее слабые их места. Если будете делать то, что я говорю, то сейф вскрыете. У них имеется всего лишь единственное слабое место и расположено оно на дверце – чуть повыше замка! Но сначала его нужно как следует протравить кислотой. А уже после этого браться за сверление.

Предлагать вино Макарцев более не стал. Выпив в два глотка остатки, спросил:

– У нас будет время, чтобы протравить сейф кислотой?

– На дело вы пойдете в пятницу вечером. Банк откроется только в понедельник утром. Так что времени у вас будет предостаточно, чтобы не только его открыть, но еще и выпасться в его помещениях. Однако желательно проделать все побыстрее.

– Сигнализация?

– Она вас не должна беспокоить. Вы ее отключите сами. Но об этом поговорим позднее.

– Ну, теперь последнее... Какой именно банк нужно ограбить?

– Знаете ресторан «Нива» на Ямской?

– Кто ж его не знает? – довольно хмыкнул Тимофей Макарцев. – Жаль, там ремонт идет, славное было местечко. А какие там номера! – прищелкнул он языком. – Шепнешь, бывало, половому, так он любую девку приведет, какую душа пожелает!

– Возможно, – не стал вдаваться в подробности Родионов. – Сразу через стену находится банк, который меня интересует.

– Точно, есть там банк! – обрадовался Макарцев.

– Вы должны будете пробить эту стену. Через проем занести оборудование. Вскрыть двести четвертую комнату, в которой располагается хранилище, в ней и находится сейф, который нас с вами интересует. Все бумаги, которые будут там, возьмете с собой. Вынесете в обычных рабочих мешках, загрузите в экипаж и уедете по адресу, который я вам дам. Утром я заберу у вас все бумаги и заплачусь.

– Что это за бумаги?

– Это не должно вас интересовать.

– Но мы их, так или иначе, увидим.

– Хорошо, – после паузы отвечал Родионов. – Это процентные бумаги.

– На какую сумму?

– На два с половиной миллиона рублей.

– Ого! И за это вы предлагаете нам всего лишь пять тысяч рублей?

– Жадность еще никого не доводила до добра. Вам это известно? – все тем же равнодушным голосом поинтересовался Родионов.

– Мне бы хотелось компенсацию за риск.

– Сколько вы желаете?

Взгляд медвежатника вильнул, зацепив в дальнем углу зала студента с гимназисткой. Широкая смугловатая ладонь парня с нежностью поглаживала белоснежные девичьи пальчики. В чем-то им следовало позавидовать.

– Я бы хотел еще столько же.

– Договорились. Но это будет после того, как вскрыете банк. И больше не станем возвращаться к этому разговору. – Перевернув листок бумаги, написал несколько слов: – Будете жить по этому адресу. После дела отсидитесь в нем с недельку, а потом можете отваливать куда хотите.

Подняв листок бумаги, Макарецв внимательно прочитал адрес:

– Я не слышал такой улицы. Где она находится?

Хмыкнув, Савелий произнес:

– Вот и прекрасно, что не слышали. Находится она на самой окраине. Вы будете жить в частном доме. Хозяева съехали с год назад. Так что никто за вами следить не станет. А добраться... Скажете ямщику, он довезет. Так что жду от вас результатов, господин Макарецв. – Савелий поднял со стола шляпу. – И не советую меня дурачить. Это вам может дорого обойтись.

– Я шнифер с репутацией, – с достоинством отвечал Тимофей Макарецв. – Меня половина Москвы знает.

– Наслышан... Однако такие деньги кому угодно могут башку замутить.

Насупившись, Макарецв отвечал:

– Ко мне это не относится. Как мне вас найти, если потребуется совет?

– Связь будем держать через Анну. А пытаться разыскивать меня самому я бы вам не рекомендовал.

Вечером Савелий Родионов встретился с Мамаем.

– Узнал, где он живет?

– Узнал, хозяин, – кивнул верный слуга. – На Острожье, у хозяйки.

– К нему кто-нибудь приходит?

– Барышня к нему приходит одна, – улыбнувшись, добавил: – Красивая. Замужем.

– Как определил? По кольцу?

– Оглядывается, хасяин, – охотно отвечал Мамай. – Окольными путями шла. А потом в двери юркнула. Так только замушжные барышници хуеют.

– Понятно, – кивнул Савелий, – не спускай с него глаз.

– Сделаю, хозяин.

– Будь везде, где бы он ни находился. Что-то мне не все в нем нравится.

Глава 3

ОТЛОЖЕННЫЙ ВОЯЖ

Настроение у начальника Московской сыскной полиции статского советника Григория Леонидовича Виноградова было весьма приподнятое. Впрочем, для этого наличествовали весьма серьезные основания. Во-первых, на следующий день он намеревался выйти в отпуск и уже через неделю планировал пить минеральную водичку в Баден-Бадене. Кроме воды, в курортном городке были весьма неплохие игорные заведения, и Григорий Леонидович, надеясь на слепой случай, рассчитывал поправить материальное положение. Во-вторых, после завершения курса общеукрепляющих процедур Григорий Леонидович рассчитывал прокатиться в Италию к морю.

Но самое главное, что делало его поездку особенно желанной, – за границу он намеревался отправиться в обществе молодой и очень красивой дамы, по которой уже год как сходил с ума. Звали ее баронесса фон Катрин Розен. Несмотря на звучную фамилию, в действительности она не имела никакого отношения к немецкой аристократии, и титул ей достался вместе со стареющим мужем, его немалыми капиталами, а также значительным весом в высшем прусском обществе.

До замужества Катрин Розен являлась солисткой Императорского оперного театра и была обладательницей звучного сценического псевдонима – Афелия, что, впрочем, совершенно не умаляло ее внешних данных. Кроме высокого и невероятно сильного вокала, оперная дива имела стройную фигуру, горделивую осанку, которую можно выработать только изнурительными тренировками, а также точеный греческий профиль и слегка напыщенные сценические манеры. Вся эта театральная смесь подействовала на стареющего барона крепче винного коктейля, а скоро певица настолько вскружила седую голову, что он попросил ее руки в обмен на собственное сердце.

Выйдя замуж за барона, Катрин Розен сумела сохранить относительную свободу, что позволяло ей заводить легкие, ни к чему не обязывающие романы и приобрести в обществе репутацию весьма легкомысленной девицы.

Однако стареющий барон упорно не желал внимать назойливым слухам и смотрел на свою жену как на игрушку, с которой можно было бы выйти в свет, наведаться в персональную ложу в Императорском театре, а то и просто совершить променады под ручку по Тверскому бульвару. Цель в данном случае была нехитрой – пусть его ровесники (стареющие сморчки!) полопаются от зависти! Значит, в нем имеется нечто особенное, если он сумел расположить к себе столь очаровательную женщину.

Ближние приятели барона злословили о том, что ветхий Розен уже давно не способен на мужские подвиги. Но иногда на старого барона накатывали приступы ревности, и в это время он становился просто невыносим. Тогда он требовал от жены доклады о каждом своем отсутствии, пытался контролировать каждый ее шаг, что, впрочем, не мешало баронессе отправляться в любовные романтические путешествия.

За свою репутацию Григорий Леонидович не переживал. В конце концов, он старый опытный конспиратор, да к тому же еще и полицейская ищейка и на своем веку провел немало блестящих операций, не чета предстоящей. И он нисколько не сомневался в том, что о романтическом путешествии не узнает ни его жена, ни тем более обманутый супруг его любовницы.

Для большей части Московской сыскной полиции его короткая отлучка вообще останется незаметной. Просто на некоторое время он исчезнет для всех, оставив срочные распоряжения на заместителей, а средний персонал настолько загрузит работой, что у них не будет свободной минуты даже для того, чтобы поднять голову.

Останется только незаметно пересечь границу. Благо для этого имеется возможность! Например, можно выправить заграничные паспорта на себя и баронессу.

А пребывая за границей, они смогут наслаждаться обществом друг друга, не оглядываясь на общественность вдали от тех мест, куда так любят наведываться соотечественники.

Если чего и опасался Виноградов, так это живого и общительного нрава баронессы, которая могла рассказать о предстоящем путешествии своим подругам. А уж от них горячая новость способна докатиться и до ушей одураченного мужа.

Буквально вчера вечером Григорий Леонидович еще раз строго предупредил возлюбленную о том, что не следует распространяться о предстоящей поездке, но по тому, как хитровато поблескивали ее глазенки, понимал, что она успела поведать многочисленным артисткам и теперь об этом уже судачит весь оперный театр.

Ох, эти женщины!

Григорий Леонидович горестно вздохнул. Будет крайне неприятно, если сослуживцы станут шептаться у него за спиной. Сколько раз он давал себе слово не завязывать любовных отношений с болтливыми дамами! Кому, как не ему, знать, что любовная связь способна существенным образом навредить карьерным стремлениям. Однако он не мог отказать себе в радости, пусть даже на короткое время, быть господином ее роскошного тела. И оставалось единственное – примириться. Пусть болтают!

Так что генералу думалось о предстоящей поездке, и поводов для радости было немало. Кто бы мог предположить, что появление курьера в один миг может перечеркнуть все его ожидания.

В тот момент когда Виноградов готов был покинуть свой кабинет, в дверь коротко и решительно постучали. Предчувствуя нечто дурное, Григорий Леонидович невольно поморщился и, стараясь не показать своего неудовольствия, громко отреагировал:

– Входите!

Дверь широко распахнулась, и в комнату вошел молодой человек лет двадцати—двадцати пяти. Сделав два скорых шага, он протянул узкий белый конверт.

– Вам срочные сообщения: телеграмма из Департамента полиции и письмо от министра внутренних дел господина Вяземского.

Виноградов невольно поморщился – этого еще не хватало! Стараясь скрыть прорывающее раздражение, Григорий Леонидович отвечал:

– Извольте!

Вскрыв сначала письмо, Григорий Леонидович прочитал: «Милостивый государь Григорий Леонидович! Час назад получил депешу от г. М. Г. Лапшина. Следует срочно разобраться. О результатах доложите. Министр внутренних дел свиты Его величества генерал-майор С. Г. Коваленский».

Григорий Леонидович Виноградов невольно поморщился. Тем более было неприятно, что надзиратель сыскной полиции господин Лапшин о произошедшем преступлении по существу субординации должен был сообщить своему непосредственному начальству, то есть ему, однако посчитал целесообразным действовать через его голову. И вот сейчас Виноградов терялся в догадках относительно произошедшего.

В любом случае Лапшину следует высказать порицание.

Телеграмма была зашифрована и запечатана в плотный конверт. На месте склеивания красовалась гербовая печать. Расписавшись в получении, он позвал адъютанта:

– Немедленно отнесите в шифровальный отдел! – протянул он телеграмму.

– Слушаюсь, – забрал тот бумагу и мгновенно удалился.

Еще через час Виноградов держал полный текст расшифрованной телеграммы, так же запечатанный в плотный непрозрачный конверт. «Ох, уж эта секретность!» – не без раздражения подумал он.

Глянув конверт на свет, оборвал самый краешек и вытряхнул на ладонь узкую полоску бумаги: «Господин министр! Довожу до вашего сведения, что вчера вечером произошло ограбление „Российского коммерческого купеческого банка“. Были похищены процентные бумаги на сумму 2 500 000 рублей и 500 000 рублей наличных денег. Злоумышленники проникли через стену соседнего дома, в котором располагался кабак. Им удалось вскрыть стальную комнату банка неизвестными мне и доселе не использовавшимися инструментами и похитили вышеуказанные ценности. Надзиратель Московской сыскной полиции, титулярный советник М. Г. Лапшин».

От суммы похищенного Виноградова бросило в жар. Григорий Леонидович утер со лба проступившую испарину, понимая, что его поездка в Баден-Баден откладывается на неопределенное время. Наверняка о случившемся уже доложено императору, а следовательно, спрос с каждого из них будет немалый. На карту поставлена его личная карьера.

Раздражение усиливалось: кто же этот Лапшин?

В списках надзирателей такого не было. И тут Виноградов вспомнил, что днем раньше из Твери был переведен некто М. Г. Лапшин, зарекомендовавший себя в губернии громкими делами. Следует с ним познакомиться поближе, а заодно и спросить, что его подвигло посылать депешу через голову непосредственного начальства.

Глава 4

МОРГАНАТИЧЕСКИЙ БРАК

Месяц назад был отстроен новый царский дворец в Ливадии. В отличие от прежнего этот в первую очередь поражал своими большими размерами, имел огромные высокие окна, ярко освещавшие залы, а также смотровые башни, с которых обозревалась вся окрестность. Но особенно живописен был просторный внутренний дворик, засаженный тропическими цветами. Клумбы в нем, разбитые на длинные расходящиеся лучи, собирались в самом центре двора у греческой арки с фонтаном. И были весьма удобным местом для прогулки по вечерам.

Николай Второй, удобно устроившись в широком кресле у окна, просматривал корреспонденцию. Однако всякий раз ловил себя на мысли, что не вникает в смысл прочитанных посланий, – все его думы вертелись вокруг заболевшего наследника, Алексея. Неделю назад у него открылось почечное кровотечение, и по настоянию Александры решили послать за Григорием Распутиным. Что бы там ни говорили о старце, но как было не поверить в его искусство врачевания, если мальчику становилось лучше тотчас, как только он перешагивал порог его спальни или просто начинал молиться во здравие.

Теперь главное, чтобы болезнь не обострилась. Впрочем, с присутствием Григория этого не должно случиться.

Николай Александрович отложил письма и, поднявшись, подошел к окну, с которого просматривался внутренний дворик. Алексея (в матросском костюме, который невольно делал его старше и очень шел ему) в сопровождении Григория он увидел вблизи греческой арки. Старец, присев на корточки, что-то вещал наследнику в самое лицо. Оба улыбались и чем-то напоминали заговорщиков. И здесь свои секреты!

Немного поодаль стоял «дядька» наследника, матрос Деревенко. Простоватый, малость угрюмый, он не без ревности наблюдал за дружбой царевича и Распутина. А в дальнем конце двора, сбившись в плотную группу, стояли офицеры. В одном из них Николай Александрович узнал Петра Старицкого – приятеля своего младшего брата великого князя Михаила Александровича.

Между бровей императора пролегла глубокая складка. Интересно, что тот делает в царствующем доме, если дорога сюда заказана самому великому князю Михаилу?

Император вернулся в глубину комнаты и надавил на кнопку звонка в самом углу стола. Через минуту дверь распахнулась, и на пороге предстал секретарь.

Умело справляясь с раздражением, подступившим к самому горлу, Николай Александрович произнес:

– Милостивый государь, вы не могли бы мне сказать, почему здесь находится князь Петр Старицкий? Я не помню, чтобы было приглашение на его счет.

Подбородок секретаря чуток дернулся – всего лишь отголосок той бури, что сейчас копилась в душе секретаря и, видимо, искала выхода.

– Ваше величество, я к этому не имею никакого отношения. Князь Старицкий прибыл по приглашению княгини Ольги.

– Ах, вот оно что, – протянул ошеломленный новостью Николай Александрович. Что это за дом, когда внутри семьи появляются какие-то свои тайны? Не хватало еще одного морганатического брака – подобного удара семья Романовых может не выдержать. – Ступайте, голубчик... Хотя, знаете что, попробуйте как-нибудь спровадить князя из дворца.

– Слушаюсь, ваше величество!

– И умоляю вас, попытайтесь это проделать под каким-нибудь благовидным предлогом и с большим тактом, еще не хватало, чтобы меня мои дочери упрекали в деспотизме. Вы хорошо меня понимаете?

– Ваше величество, можете не беспокоиться, я сделаю все так, как подобает.

– Вот и славно, – с видимым облегчением вздохнул Николай Александрович, возвращаясь к разложенной на столе корреспонденции.

Поверх газет лежало два конверта. В одном из них была вложена фотография, о чем ему сообщили при вручении, в другом, большем конверте из плотной желтой бумаги, помещался рапорт полицейского агента Федора Гришука, составленный после свадьбы великого князя Михаила Александровича со своей морганатической супругой Натальей Сергеевной, урожденной Шереметьевской.

Первым возмутителем спокойствия в династии Романовых стал дядя Николая Второго великий князь Павел Александрович, – втайне от царя он женился на разведенной женщине, к тому же матери троих детей, госпоже Ольге Пистолькорс.

Весьма грустная история!

Причем его страсть оказалась настолько сильной, что он позабыл не только о своих собственных детях, но даже о родине. Пожертвовал всем: благополучием, уважением царственной семьи, карьерой – ради вздорной, глуповатой женщины. Право, она не достойна подобных жертв!

И вот теперь на очереди новое неприятное разбирательство.

Николай Александрович вскрыл конверт и вытряхнул из него небольшую фотографию, на которой был запечатлен великий князь Михаил Александрович с супругой Натальей Сергеевной. Новоиспеченные супруги были запечатлены в Каннах, во время своего свадебного путешествия. Их поездка была строго законспирирована даже от самых близких лиц, а потому по Европе они путешествовали инкогнито без пышного сопровождения и подобающей их положению охраны, останавливаясь в неприметных и недорогих гостиницах. Но то, что неведомо было даже ближайшему окружению, известно было его старшему брату, царю Николаю. Едва ли не ежедневно на императорский стол ложился отчет о пребывании великого князя и его супруги за границей. И, судя по тому как они проводили время, были вполне счастливы и наслаждались обществом друг друга.

Морганатический брак – большой удар по семейным традициям, хотя Николай и не исключал того, что в его основе может быть заложено весьма глубокое чувство. Это ему повезло любить женщину, которая оказалась его круга, но далеко не каждому выпадает подобное счастье. А потому частенько Романовы были большими эгоистами и во главу угла ставили личные интересы, нежели благополучие всего царствующего дома.

Николай Александрович глубоко вздохнул. На небольшой фотографии была запечатлена молодая красивая пара, стоящая на балконе. Николаю Александровичу приходилось бывать в Каннах, и он прекрасно представлял местность, где были засняты молодожены. Это был бульвар Круазет, главная улица, где расположены весьма дорогостоящие отели. Ему и самому очень нравились эти места. Бывая в Каннах, он всякий раз удивлялся предприимчивости британского политика лорда Броухэма, который сумел превратить маленькую рыболовецкую деревушку в центр аристократического курорта.

Княгиня Шереметьевская была в демисезонном пальто с белой розой на правом отвороте. Гибкую шею укрывал длинный белый шарф. На красивой головке темная широкополая шляпа с коротенькой вуалью, заброшенной наверх. В нарочитой небрежности чувствовался тонкий женский шик. Получалось весьма пикантно, даже где-то чарующе. Впрочем, Наталья Сергеевна не совершала непродуманных поступков, так как отличалась весьма острым умом, так же как и ее отец, видный финансист Москвы. Так что с ее стороны была разыграна блестящая партия. Не исключено, что Михаил полностью попал под влияние Шереметьевской,

сделавшись даже на какое-то время неменяемым. Если это не так, тогда как же объяснить тот факт, что великий князь не единожды давал обещание государю не жениться на этой вздорной женщине и тем не менее нарушил свое слово, намеренно углубив конфликт с семьей, и тайно обвенчался за границей.

Николай Александрович вздохнул. Ссориться с любимым братом было тяжело. Царь вновь принялся рассматривать фотографию.

Михаил Александрович был в темном пальто и в высокой шляпе. Широкий ворот белой рубашки небольшим узлом стягивал галстук. Весьма трогательно князь поддерживал жену за левую руку, взгляды обоих были устремлены в одну сторону. Создавалось впечатление, что они позировали неведомому фотографу на балконе отеля, но в действительности дело обстояло иначе – они были зачарованы карнавальным шествием, а фотография была сделана нелегально агентом тайной полиции.

Чтобы Михаил сполна осознал тяжесть содеянного греха и гнев Его величества, его следует наказать: для начала нужно воспрепятствовать въезду в Россию обоим, а также учредить опеку над его имуществом. Пожалуй, подобное распоряжение следует отдать завтра же!

Николай Александрович вернулся к разложенным на столе газетам, что усиливало чувство комфорта и покоя. Два часа, оставшиеся до обеда, всецело принадлежали ему. Их он по обыкновению посвящал чтению корреспонденции и периодической печати. Так что Николая Александровича никто не беспокоил. Исключение делалось разве что для Алешеньки, который до бесконечности мог показывать ему лошадку, вырезанную «дядькой» Деревенько. В какой-то степени это был отдых.

Николай Александрович оказался предоставлен самому себе и мог сполна насладиться чтением. Кроме политических новостей, которым он уделял особое внимание, его интересовала и светская хроника, куда частенько в качестве главных действующих лиц попадали члены царской семьи, и, надо признать, порой их представляли не в самом лучшем свете. А все эти скандалы, связанные с несостоятельными браками, подрывали его личную репутацию. Правда, этому в немалой степени способствовали и сами журналисты, порой смакуя подробности личной жизни членов царской фамилии.

В этот раз в скандалах императорская семья замешана не была, а потому чтение газет доставляло некоторое удовольствие. «Саратовский вестник» оповещал о том, что в город прибыла большая группа итальянских акробатов, которые пробудут в городе целую неделю и обещают подивить взыскательную саратовскую публику новыми номерами. Гвоздем труппы был «первый Геркулес мира», молодой акробат Ванченцио Модельяни, который, висая вниз головой, умудрялся при этом поднимать лошадь, обхватив ее руками за брюхо.

Это надо было видеть. Наверняка итальянский акробат произвел в провинции настоящий фурор.

Николай Александрович отложил просмотренную газету в сторону, взял следующую, «Коммерсант». «На свадьбе у городского головы присутствовало триста персон...» – читал император. Совсем неинтересно.

Перевернув страницу, принялся читать дальше. А это еще что такое? Брови Николая Александровича рассерженно изогнулись. «Вчера злоумышленниками был ограблен „Российский купеческий банк“. Преступниками было похищено процентных бумаг на сумму 2 500 000 рублей. Злоумышленники проникли в помещение банка через смежную стену. После чего режущими инструментами вскрыли несгораемые шкафы и похитили ценные бумаги и наличность. Пропажа обнаружилась только утром следующего дня. По какой-то непонятной причине банк не был оснащен надлежащей сигнализацией, а с той стороны, где был совершен взлом, охрана не была выставлена. Как нам удалось выяснить, в соседнем помещении с банком находилась ресторация, также неохраямая. Так что преступникам не составляло большого труда

проникнуть в залы ресторации и добраться до хранилища. Так, господа, мы можем порастерять не только деньги, но и отечество».

Нервно отодвинув газету в сторону, Николай Александрович поднялся и зашагал по комнате. Сумма похищенного впечатляла. Российской казне был нанесен существенный ущерб. Но это еще полбеды. Что подумают зарубежные вкладчики, которые держали свои сбережения именно в этом банке? Как получилось, что полиция не сумела предотвратить столь дерзкого ограбления? Нельзя не учитывать, что это ограбление может иметь резонанс в Европе, последствия могут быть самые серьезные. Ведь именно в этом банке держал часть своих семейных накоплений двоюродный брат Алекс.

Император надавил на звонок. Получилось несколько нервно, и уже через несколько секунд дверь распахнул встревоженный секретарь.

– Вызывали, Николай Александрович?

Самодержец, стараясь не показать накопившегося раздражения, произнес как можно спокойнее, приподнимая со стола «Коммерсант»:

– Вы читали этот номер, батенька?

Помощник выглядел слегка смущенным. Стараясь смотреть императору прямо в лицо, отвечал:

– Не успел, Николай Александрович. Разбирал документы, присланные вам накануне.

Знакомства с периодикой от секретаря и не требовалось. Ему вполне хватало того, чтобы вникать в прибывшие документы, устанавливать очередность подписи, записывать на прием нуждающихся, вести прочую канцелярскую работу. Упрекнуть его было не в чем. Но в интонации сквозило столько раскаяния, как если бы он совершил непростительную оплошность.

Император самобичевание оценил.

– Могу вам сообщить, что вчера вечером ограблен «Российский коммерческий купеческий банк» на очень крупную сумму. Дело может принять политический оборот с весьма неприятными для нас последствиями, – голос царя звучал ровно и уверенно. Уже ничто не указывало на раздражение императора. – Передайте мое высочайшее распоряжение министру внутренних дел, что я буду лично следить за раскрытием этого преступления.

Секретарь был из рода князей Трубецких. Малый представительный, едва ли не на голову выше самого императора, он обладал очень важным качеством – умел быть незаметным и открывал рот только в том случае, когда того требовали обстоятельства. Вот и сейчас, приподняв острый раздвоенный подбородок, он внимал с невероятным прилежанием. Надо отдать ему должное, все указания секретарь справлял в срок, не забывая ни о чем. Впрочем, иного и не ожидалось. Иначе бы его при императорской особе не держали.

– Будет немедленно исполнено, – заверил секретарь.

– Вы уж поторопитесь, голубчик. Да, еще вот что... Меня настораживает криминальная обстановка в Санкт-Петербурге и в Москве. В какую газету ни глянь, обязательно натолкнешься на какую-нибудь леденящую душу историю. Вызовите ко мне в ближайшее время для доклада министра внутренних дел, мне бы хотелось услышать, что же он скажет в свое оправдание.

– Я немедленно передам ваше распоряжение.

– Уж постарайтесь, – чуток ворчливо проговорил Николай Александрович и, заложив руки за спину, отошел к окну.

Князь Трубецкой, кроме гвардейского роста и выправки кавалергарда, обладал еще одним немаловажным качеством – тактичностью. Государю не нужно было его выпроваживать даже наклоном головы – он прекрасно знал, когда следует возникнуть и когда нужно отбыть. Дверь неслышно закрылась, оставив государя в одиночестве.

Во внутренний дворик вышла Алекс. На ней было длинное темно-синее приталенное платье, еще более подчеркивающее ее почти девичью фигуру. В правой руке императрица дер-

жала небольшой зонтик, больше служивший для опоры во время ходьбы, чем от возможного дождя.

Наследник, доверчиво прижавшись к матери, что-то ей оживленно рассказывал. Внутри у государя защемило. Он болел вместе с сыном и вряд ли когда-нибудь поправится окончательно.

Глава 5

ОГРАБЛЕНИЕ «КУПЕЧЕСКОГО БАНКА»

Григорий Леонидович остановился перед четырехэтажным домом с пилястрами и мезонином по третьему и четвертому этажам. Внимательно оглядел себя – кажется, все в порядке – и уверенно вошел в подъезд.

Нигде не задерживаясь, Григорий Леонидович поднялся по мраморной лестнице, устланной широкой зеленой ковровой дорожкой, и заторопился в приемную директора Департамента полиции, действительного статского советника господина Трегубова Александра Павловича.

Коротко поздоровавшись с секретарем, Виноградов внимательно всмотрелся в его лицо, стараясь угадать настроение начальства. Как известно, физиономии секретарей с зеркальной точностью передают настроение хозяина, и по тому, какими глазами оглядывает тебя секретарь, можно предположить, как в настоящее время относится к тебе собственник кабинета.

Секретарем у директора был Степан Меллер, из потомственных военных. Воспитывался в Санкт-Петербургской военной гимназии, затем учился в юнкерском училище и вступил на военную службу офицером лейб-гвардии в Измайловский полк. Оставалось только ломать голову, что его заставило прервать так блистательно начавшуюся военную карьеру и проситься в Департамент полиции, где он вряд ли мог рассчитывать на стремительное продвижение. Впрочем, место ему досталось неплохое.

Несколько суровый с виду и оттого казавшийся малость замкнутым, он был необычайно располагающим во время беседы. Сейчас на его лице, напротив, промелькнуло нечто похожее на улыбку (весьма редкий случай), из чего Григорий Леонидович поспешил сделать вывод, что вызван он был не для разноса. От души малость отлегло, хотя расслабляться не следовало.

– Проходите, господин статский советник, Александр Павлович ждет вас!

Секретарь легко поднялся и приветливо распахнул перед Григорием Леонидовичем дверь. Подобная любезность с его стороны наблюдалась не всякий день, а потому совсем сбила с толку.

Дверь в кабинет директора Департамента была высокой и необычайно широкой, с тонкой искусной резьбой, по сути, она представлялась воплощением художественного мастерства, и у каждого, кто созерцал подобное творение, невольно возникала мысль, что за такой преградой должно скрываться нечто особенное, невероятно примечательное. Но стоило только распахнуть ее пошире, как на всякого невольно обрушивалось разочарование. Взгляду открывался вполне обыкновенный кабинет, напрочь лишенный каких бы то ни было излишеств, правда невероятно просторный, в котором запросто могла бы уместиться целая рота солдат во время построения.

Навстречу, обескураживая своей простоватой внешностью, выходил хозяин кабинета, – невысокого росточка человечек, невероятно упитанный, со здоровым румяным лицом. Короткие щеголеватые усики и ухоженная, аккуратно стриженная бородка делали его похожим на собственника преуспевающего трактира. В его внешности не было ничего такого значительного, что могло бы связать его с просторным кабинетом. Невольно посещала мысль, что тот оказался здесь в качестве обыкновенного просителя или по недоразумению.

Создавшуюся иллюзию непроизвольно развеивали манеры, с которыми держался толстяк, побуждавшие осознавать, что он оказался в кабинете далеко не случайно. Люди, знавшие близко Трегубова, утверждали, что своим стремительным возвышением тот был обязан природному уму, необычайной хитрости и сметке, какая обычно встречается у людей из низших сословий, сумевших пробиться на самый верх.

Чего у него действительно невозможно было отнять, так это колоссального трудолюбия. Не умея останавливаться, он заставлял работать на пределе и весь Департамент.

Свою карьеру Трегубов начал после службы в армии обыкновенным агентом наружного наблюдения. Неброский, юркий, пронырливый, он обладал незаурядной сообразительностью и совсем скоро заставил обратить на себя внимание вышестоящих чинов. Природная смекалка и проницательный ум со временем позволили ему дорасти до больших высот.

Глядя на этого простоватого человека, напрочь лишённого какого бы то ни было наружного лоска, трудно было поверить, что он держал в своих руках сильную империю под названием сыск. И только его глаза – спокойные, умные и невероятно холодные – давали понять, что общаешься с незаурядным человеком.

Григорий Леонидович вошел в кабинет директора Департамента не без внутреннего волнения. О его умении перевоплощаться ходили самые невероятные легенды. К своей профессии он относился почти как к искусству и, используя навыки, приобретенные в той среде, что его породила, мог представиться уличным торговцем, а то и недалеким урядником. И поэтому трудно было понять, кого можно повстречать в высоком кабинете в очередную встречу. Даже сейчас, добравшись до головокружительных чинов, Трегубов не брезговал тем, что выходил на улицу в качестве обыкновенного филера, показывая мастер-класс начинающим агентам.

Порой казалось, что Александр Павлович был соткан из сплошного лицедейства. Никогда нельзя было понять, какую маску он наденет в следующую минуту, ни тем более понять, как следует вести с ним в этом случае.

Сейчас перед Виноградовым предстал слегка растерянный человек, погруженный в какие-то свои, видимо невеселые, думы. Но уже в следующую секунду, распахнув руки для объятия, Трегубов шагнул навстречу вошедшему Виноградову. Его круглое лицо было воплощением ликования.

– Дорогой вы мой человек! Как добрались?

Слегка обескураженный столь радушным приемом, Григорий Леонидович смотрел прямо, пытаясь угадать скрытый подвох. Индиговые глаза взирали подчеркнуто внимательно, с большой заинтересованностью. Но обниматься отчего-то Трегубов не спешил. Остановившись в шаге, протянул широкую ладонь. Крепко пожал.

– Присаживайтесь, Григорий Леонидович, – указал директор на свободный стул.

Селезенку слегка щипануло от дурного предчувствия. Уж слишком мягко стелил – следовательно, спрос будет большим. В характере Александра Павловича!

Григорий Виноградов присел и почувствовал, что явно неудачно – такое впечатление, что на уголке выступал острый гвоздь. Слегка подвинулся, но понял, что бесполезно. К концу беседы гвоздь истреплет не только ляжку, но и душу.

– Вы наверняка догадываетесь, зачем я вас к себе вызвал, Григорий Леонидович?

Голос директора Департамента малость посуровел, видно подчеркивая серьезность ситуации.

Налепив маску должной суровости, Виноградов отвечал:

– Разве только в общих деталях, господин действительный статский советник.

– Хм... А я думал, что уже сообщили, – несколько обескураженно протянул Трегубов.

Виноградов слегка пожал плечами, – верить не торопился, не исключено, что это было еще одно искусное лицедейство. На выпуклом лбу директора Департамента проступили крупные капли пота. Видно, Александр Павлович и вправду был великий лицедей, если способен на подобный фокус. Достав из кармана белоснежный платок с вышитым в углу замысловатым вензелем, Трегубов аккуратно промокнул влагу и, собрав его вчетверо, так же аккуратно уложил на место.

– Вы, наверное, слышали об ограблении «Российского купеческого банка»?

– Да, – осторожно произнес Виноградов. – Было похищено облигаций на сумму свыше двух миллионов рублей и еще...

– ...и еще наличности на полмиллиона! – подхватил директор. – Однако вы хорошо осведомлены, даже знаете порядок цифр. Откуда вам это известно?

– Вчера я получил письмо от министра внутренних...

– Тем лучше, – перебил директор Департамента. – Я тоже получил нечто похожее... Это значительно облегчает дело. Хочу вам сказать, что мы должны проявить массу усилий, чтобы раскрытие этого преступления произошло в самые короткие сроки. На этом настаивает лично император! – Все маски были сняты и выброшены за ненадобностью. В голосе Трегубова прозвучали честололюбивые нотки. – Так что понимаете, какая на нас возлагается ответственность?

– Понимаю, – невесело буркнул Виноградов.

– В связи с этим я поручаю вам, как наиболее опытному и способному работнику, возглавить эту группу. Так вы не возражаете?

– Разве бы я посмел?

– Вот и славно! У вас имеются какие-нибудь соображения по этому делу?

– Сначала нужно посмотреть все на месте, – осторожно протянул Виноградов, понимая, какой груз ответственности взваливает на себя. – А уже потом сделать какие-то выводы.

– Вот и отлично! Надеюсь, что вы займетесь этим делом незамедлительно. Кстати, ведь именно вы занимались делом о фальшивых ассигнациях.

– Именно так, господин действительный статский советник, – отвечал Виноградов. – Фальшивые ассигнации были весьма высокого качества. Нам удалось выяснить, что прибывали они в Россию из Франции, а впоследствии нашими агентами было установлено, где именно печатались фальшивки.

– И где же?

– В одном небольшом доходном доме в Париже. По согласованию с французской полицией мы попытались задержать фальшивомонетчика там же, но он так и не появился. Не исключено, что его кто-то предупредил.

– Что вы о нем знаете?

– Признаюсь откровенно, что немного. Его фамилию, но не исключено, что она может быть фальшивой... Представляем, как он выглядит. Но внешность тоже можно изменить.

– Понятно, – задумчиво протянул Трегубов. – Это дело тоже не упускайте. Сами понимаете, подобное преступление подрывает доверие к рублю, а следовательно, бьет по авторитету нашего государства.

– Я вас понял, господин действительный статский советник.

Поднявшись, Трегубов протянул через стол руку:

– Держите меня в курсе всего хода расследования.

– Хорошо, господин действительный статский советник.

– Докладывайте мне каждый день!

В этот раз рукопожатие директора Департамента было слабее. Да и улыбка отчего-то потеряла прежнюю симметрию.

– Непременно, господин директор Департамента.

Трегубов проводил Григория Леонидовича до самых дверей.

– Я буду ждать от вас хороших новостей.

Виноградов почувствовал невероятное облегчение, когда за ним захлопнулась массивная дверь директорского кабинета.

«А теперь все зависит от тебя, батенька, и тут важно не оплошать».

Глава 6

КТО МЕДВЕЖАТНИК?

Вернувшись в здание губернской сыскной полиции, расположенной в Малом Гнездиновском переулке, Григорий Леонидович еще раз внимательно перечитал донесения. По всему видать, здесь не обошлось без предварительной разведки. Банк был ограблен грамотно, очень профессионально. Не подцепишься!

Распотрошить такой банк мог разве что Савелий Родионов, но, по агентурным донесениям, он все еще пребывает в Париже. Так что его кандидатура отпадает. Не исключено, что за это время в России выросли его талантливые последователи, и вот сейчас они заявили о себе во всеуслышание.

Весь следующий день Григорий Леонидович провел в архиве сыскной полиции. Архив насчитывал около миллиона дактилоскопических отпечатков и разного рода отметин. В отдельной комнате помещалась картотека с медвежатниками. Ящики с делами были выстроены вдоль стены и поднимались к самому потолку, оставляя свободными только два небольших окна, через которые неровной волной свет ложился на ковер. Немного в сторонке возвышался громоздкий шкаф, выпирающий острым краем.

Григорий Леонидович шагнул прямо к нему. Выдвинув верхний ящик, он принялся внимательно просматривать уложенные дела.

Преступники сработали очень дерзко и нагло, оставив на месте преступления дорогие воровские приспособления и инструменты. Хотя в их действиях не было ничего удивительного, потому что сумма похищенного оказалась столь велика, что с легкостью перекрывала все издержки. Кроме того, эта особенность указывала на своеобразный почерк. Если хотите, на некоторый воровской шик. Именно таким образом вскрывал банки ростовский медвежатник Сенька Сапог. Однако в настоящее время он отбывал срок в арестантских ротах.

Григорий Леонидович прекрасно помнил первую свою встречу с Сенькой: кабинет перешагнул высоченного роста и богатырского сложения мазурик. Эдакий наследник разбойного атамана Разина. Такой бы, пожалуй, сумел не только вскрыть сейф, но и утащить его на собственном горбу. Вот только содержался он сейчас на Сахалине в цепях, под неусыпным надзором конвоя, а запирался не куда-нибудь, а в кандальную, как бессрочный каторжник. Так что Сенька Сапог тоже не в счет!

На глаза Виноградову попало дело медвежатника Ивана Черноуса. «Тот еще субъект!» – невесело хмыкнул Григорий Леонидович, глянув на фотографию крепкого мужчины с усами.

Григорий Виноградов не однажды отмечал, что почти все медвежатники, кроме запоминающейся внешности, обладали еще и незаурядной силой. Так что Иван Черноус в этом отношении не отличался от остальных и в молодости выступал на арене цирка силовым акробатом. Причем в цирковом деле немало преуспел, став российской знаменитостью.

А свою воровскую карьеру начал с того, что просто выломал руками дверцу сейфа в кондитерском магазине и, забрав недельную выручку, мгновенно испарился. Именно с того времени он решил, что куда проще да, пожалуй, и прибыльнее будет взламывать сейфы, чем потеть на арене цирка, балуясь двухпудовыми гирями.

Некоторое время он промышлял тем, что просто вырывал с корнем петлицы. Такое злодейство продолжалось до тех пор, пока ему не попала бронированная дверь, и, кроме недюжинной силы, тут требовалась еще и смекалка. Вот тогда Иван Черноус всерьез задумался о том, что следует взяться за воровское самообразование. Прикупив полдюжины сейфов, он долго упражнялся в их взламывании, пока не осознал, что для него не существует более секретов.

Надо отдать ему должное – в своем преступном ремесле он преуспел и очень скоро вошел в десятку наиболее опасных медвежатников. Четыре года назад он был осужден на пятнадцать лет каторжных работ и отбывал свой срок в Красноярске. Однако через два года сумел сбежать, умудрившись порвать цепи, которыми его приковали к стене.

Догнать его в тот раз так и не удалось, но с полгода назад в Департамент поступила информация о том, что он серьезно пострадал в пьяной кабацкой драке и навсегда завязал с опасным промыслом. Так что этот медвежатник тоже не в счет.

Поразмыслив, Григорий Леонидович решил, что банк может быть ограблен ярославскими медвежатниками, отличавшимися особым нахальством. В поле зрения полиции они угодили несколько лет назад, когда в России один за другим стали вскрывать сейфы ацетиленовыми горелками. Прямых улик против них тогда не было, и оставалось довольствоваться показаниями наводчиков, которые на суде могли отказаться от прежних показаний.

Некоторое время Савелий Родионов проживал в Ярославле, где воспитал немало последователей. Скуки ради при своем доме он открыл нечто вроде курсов, куда к нему сходились молодые и нахальные студенты. Многие из них были из вполне благополучных семей и воспринимали умение взламывать сейфы как обыкновенное и весьма безобидное развлечение. Правда, со временем оно переросло для них в весьма прибыльное занятие.

Как правило, все ученики были из дворянских семей, получившие блестящее образование. Всегда безукоризненно одетые, с великолепными манерами, они совершенно не походили на своих коллег по преступному ремеслу. Медвежатники нового поколения предпочитали брать от жизни только самое лучшее и практически все свободное время проводили за границей, спуская в казино накопленные капиталы, проживали в самых изысканных гостиницах и предпочитали обедать в наиболее дорогих и модных ресторанах. Они были из той категории людей, что не желали размениваться по мелочам, хватались всегда за самый значительный куш, очень щедро расплачивались с осведомителями и разного рода помощниками. В своих целях всегда оставались настойчивыми и терпеливыми и, как правило, неизменно добивались намеченного. Причем ярославских медвежатников отличала одна характерная деталь – они никогда не забирали орудия ограбления, какой бы большой стоимости они ни были.

Так что состоявшееся ограбление запросто могло быть делом рук членов «благородного семейства». Причем они всегда оказывались настолько хитроумными, что их почти невозможно было уличить в совершенном преступлении. Тщательно подготавливая ограбление, они никогда не забывали об алиби, так что в их окружении всегда находилось немало людей, которые могли подтвердить, что в час ограбления банка медвежатники находились в обществе весьма приличных людей за карточным столом.

И все-таки однажды их дело удалось довести до суда, когда был вскрыт «Промышленный банк». Под подозрение попали девять преступников. Но большую часть впоследствии пришлось отпустить прямо из зала суда, а те немногие, что успели получить срок, скоро освободились, имея влиятельных покровителей.

Однако это обстоятельство не помешало полиции сделать их фотографии и внести в реестр едва ли не самых опасных преступников империи. Всякий раз сыскари неизменно обращались в картотеку, как только происходило столь же дерзкое ограбление. Так что не было ничего удивительного в том, что Григорий Леонидович всерьез забрался в архив.

Покопавшись в картотеке, Виноградов вытащил два десятка фотографий. И не без интереса, в который уже раз, всмотрелся в их лица. Это были настоящие господа. Молодые, красивые, изысканно одетые, с манерами высшего общества. Привыкшие играть в риск и любившие его. Больше половины из них были бывшие офицеры, любившие пощекотать себе нервы игрой с оружием, так что «русскую рулетку» в настоящее время им заменяло ограбление банков. Кроме удовольствия пощекотать нервы, они имели весьма достойный доходец.

Вернувшись в кабинет, Григорий Леонидович вызвал помощника – Виктора Алексеевича Краюшкина, прибывшего несколько дней назад из Санкт-Петербургской сыскной полиции для усиления.

Как следовало из рекомендательного письма, Виктор Алексеевич Краюшкин окончил юридический факультет столичного университета. Проработав несколько лет чиновником для особых поручений, он уже год исполнял обязанности помощника Санкт-Петербургской сыскной полиции. Терпеливый, усидчивый, не лишенный артистизма, он успел показать себя весьма полезным работником.

О своей службе Виктор Краюшкин рассказывал крайне неохотно и очень немного, но даже по тому, что он о себе поведал, можно было судить, что выдвижение его на большую должность стало далеко не случайным.

Краюшкин происходил из семьи потомственных офицеров. Единственный ребенок в семье, он виделся чадолюбивому родителю как продолжатель семейной традиции, но, неожиданно прервав военное обучение, поступил в университет на юридический факультет, чтобы посвятить себя сысному ремеслу.

Даже строгий разговор с родителем не возымел должных последствий. Неожиданно открыв в себе призвание, Краюшкин последовал избранному пути и, судя по его безупречной службе, не желал сворачивать. Какое-то время отец даже прервал всяческие сношения с сыном, а потом, устав от одиночества, вернул милость и даже научился гордиться успехами отпрыска.

За несколько дней, проведенных в Московской сыскной полиции, Виктор Краюшкин и вправду показал себя весьма способным молодым человеком, и Григорий Леонидович связывал с ним большие надежды. Приветливый, весьма располагающий к себе – видно, таким и должен быть дознаватель. Глядя в его спокойные, доброжелательные глаза, невольно хотелось поделиться пережитым.

Дверь отворилась, и на пороге предстал молодой человек, немногим более тридцати лет, с аккуратной русой бородой и такого же цвета усами. Начальника сыскной полиции встретил открытый взгляд.

– Вызывали, господин статский советник?

Виноградов невольно поморщился:

– Давайте уж как-нибудь без этих «советников». Неужели так трудно запомнить, меня зовут Григорий Леонидович.

– Хорошо, Григорий Леонидович, – с серьезным видом отвечал Виктор Краюшкин.

– Ну, вот и славно! – бодро отозвался Виноградов. – Виктор Алексеевич, а не желаете ли прокатиться со мной до Покровки?

Взгляд у Краюшкина серьезен, сосредоточен.

– Какое-нибудь серьезное дело?

– Да, Виктор Алексеевич. Ограблен «Российский коммерческий купеческий банк». Вы что-нибудь слышали об этом?

– Не более того, что пишут сейчас об этом в газетах.

– Значит, у нас с вами будет возможность познакомиться с этим делом поближе.

– Буду весьма рад, – с готовностью отвечал молодой человек.

– Вот и отлично. Кстати, – поднимаясь, продолжал Виноградов, – этим делом весьма интересуется царь и требует от нас раскрытия преступления в самые кратчайшие сроки! Так что мы не имеем права оплошать.

На молодое лицо легла печать надлежащей ответственности.

– Я все понимаю, Григорий Леонидович.

Глава 7

УЗНАЮ СТАРИННОГО ПРИЯТЕЛЯ

До банка добрались на ломовом. Кучер – хитроватая бестия, – заметив в пассажирах важных людей, заломил цену вдвое привычного. Торговаться Виноградов не стал, изъявив только желание, чтобы извозчик доставил по назначению как можно скорее.

Удовлетворенный щедрой платой, ломовой немилосердно погонял коня по улицам, заставляя шарахаться в стороны зазевавшихся прохожих, и громко орал на праздных гуляк, едва успевавших выпрыгивать из-под копыт коня.

– Поберегись, мать вашу! Поберегись!

Попридержав коня у серого массивного здания с громоздкой лепниной на фасаде, извозчик торжественно объявил:

– Пожалте, господа, добрались! – и, наклонив к Виноградову широкоскулое лицо, заросшее густым рыжим волосом, добавил: – Только ведь этот банк нынче ограбили, господа. Ежели вы покладам, так поторопились бы. Как бы дурного чего не вышло.

– Дурного, говоришь? – живо заинтересовался Григорий Леонидович. – А что же может быть дурного?

– Да мало ли чего, господа, – все тем же заговорщицким голосом продолжал извозчик. – Рублев-то много ушло. Такие деньжища на воле гуляют! Прикроют скоро банк.

– Спасибо тебе, милейший, – отвечал Виноградов, высаживаясь. – Возьми-ка полтину, – сунул он деньги в сухую обветренную ладонь извозчика. – Это тебе за скорость.

– Благодарствую, ваше сиятельство!

И,огрев коня, возчик укатил восвояси.

Виноградов с Краюшкиным прошли в холл банка. Внутри здания было не по-летнему прохладно, и Григорий Леонидович с облегчением перевел дух.

– Жара-то какая, запарился, – честно произнес он.

– А здесь ничего. Приятность!

У самого входа их встречала помпезная чугунная лестница, укрытая бесконечным темно-синим ковром. Ступени небольшие, рассчитанные на средний шаг, так что подниматься было нетяжело. У двери стоял полицейский урядник. Вид скучающий, равнодушный, шаровары небрежно заправлены в потускневшие от пыли яловые сапоги, кафтан был чуток великоват и слегка перевешивался на правое плечо, фуражка надвинута на самый лоб, но глаза пронзительные, на вошедших смотрели заинтересованно и зорко.

– Куда вы, господа? – спросил урядник, остановив немигающий взор на Виноградове.

– Я, братец, начальник Московской сыскной полиции, статский советник Григорий Леонидович Виноградов. А это мой помощник Виктор Алексеевич Краюшкин.

На мгновение в глубине зрачков вспыхнуло любопытство, да и померкло.

– Прошу вас, господа, – произнес урядник, распахнув перед вошедшими дверь – достойно, без подобострастия, просто выполнял работу. На то и приставлен.

– Спасибо, братец, – буркнул Виноградов, проходя в банк.

Очевидно, именно здесь происходили денежные операции. Зал был огромный и разделялся на две неравные части: первая из которых, значительно суженная, располагалась у самых окон. Здесь же размещались стойки, где принимались денежные вклады; другая часть зала, отгороженная от первой полупрозрачными ширмами, рассчитана была для ожидающих своей очереди клиентов, – вдоль стен поставлены кожаные диваны, кресла. На диванах сидели несколько мужчин. Их можно было бы принять за клиентов, если б не столь удрученный вид.

Один из мужчин, сидящих в глубоком кожаном кресле, поднялся.

– Григорий Леонидович, ну наконец-то! – воскликнул он, еще издали протягивая руку для приветствия. – А мы-то уж заждались. Сказали, что вы должны прибыть с минуту на минуту, а вас все нет.

Виноградов скупно улыбнулся – не самый подходящий случай для веселья.

В мужчине Григорий Леонидович не сразу узнал своего студенческого приятеля Федора Семеновича Волокитина. Не без удивления крикнул: помнится, он был тощ, как жердь, и кудряв, как береза. Сейчас же перед ним предстал необыкновенно толстый человек. Вместо пышной шевелюры – всего лишь волосяные лоскуты, каким-то чудом задержавшиеся на висках. Неизменным оставался разве что голос – резкий и громкий.

Прежде он работал в Московской прокуратуре, весьма резво поднимался по служебной лестнице, но затем его карьера была неожиданным образом прервана. Поговаривали, что, будучи женатым, он увлекся дочерью своего начальника, за что поплатился не только служебным положением, но и семейным счастьем. Волокитина перевели в какую-то глушь. Долгое время о нем не было ничего известно, и вот сейчас связь возобновилась таким странным образом.

– Федор! – невольно вырвалось у Виноградова, – Волокитин!

– Он самый.

– Ну, братец, я бы тебя не узнал, – откровенно признался Григорий Леонидович.

– Знаю, что постарел. Ну что поделаешь, годы! – без сожаления произнес студенческий приятель. – Только я ведь теперь и не Волокитин, а Лапшин, – в голосе прозвучала едва различимая грусть.

– Ах, вот оно что, – вздохнул Виноградов, – стало быть, ты и есть тот самый таинственный «М. Г. Лапшин», что написал депешу товарищу министра? А я-то думаю, что у меня за сотрудник такой, которого я еще в глаза не видывал?

– Он самый и есть. Позавчера переведен из Твери, даже не успел тебе представиться.

– Ничего, – буркнул Виноградов. – Теперь у нас достаточно будет времени для общения. Так ты женат?

– Сейчас я один.

– Только как же это ты вдруг Лапшиным оказался?

– Решил поменять свою фамилию и с нее начать новую жизнь, – едва ли не безнадежно махнул он рукой. – Думал, что еще не поздно. Как-нибудь расскажу об этом...

– Ах, вот оно что! – невольно подивился Виноградов. – Мне ведь твою депешу из кабинета товарища министра прислали. А я читаю ее и не могу понять, от кого она. Вроде бы такого титулярного советника у меня не значится. А Лапшин, оказывается, вон кто! Рад тебя видеть, дружище! Знакомься, – показал Виноградов в сторону молчавшего Краюшкина. – Виктор Алексеевич Краюшкин, прикомандирован к нам из Санкт-Петербурга. Столичная птица! Вместе занимаемся этим делом.

– Федор Семенович, – пожал Волокитин протянутую ладонь.

– А теперь давай показывай, что тут у вас произошло.

Волокитин улыбнулся широко, располагаяюще.

– Узнаю своего старинного приятеля. Ничего лишнего, сразу к делу. Оно и правильно... Банк временно закрыт, дожидались вашего приезда, – заторопился по коридору Федор Волокитин, уводя за собой гостей. – Выставил в коридорах городских. В комнатах поставил для порядка. А то, сами понимаете, лезут всякие любопытные. Газетчики, вкладчики, да и просто разный люд. Всем интересно взглянуть, что же это с банком-то происходит.

Виноградов невольно улыбнулся, наблюдая за походкой приятеля. Несмотря на возраст и внушительный вес, Федор оставался по-прежнему резвым, как и в молодые годы. Казалось, что он не шел, а перекатывал грузное тело перебирая коротенькими ножками.

Прошли по длинному коридору банка, оказались в хранилище – огромной комнате со стальными стенками, каждая из которых – несколько дюймов в толщину. В противоположной стене зияла внушительных размеров пробоина. Изуродованное рваное железо торчало во все стороны искромсанными краями. Через такой лаз мог свободно протиснуться человек среднего сложения.

На полу в беспорядке лежали инструменты различного назначения: от обыкновенного гвоздодера до газовой горелки. В углу валялись тиски, какие-то орудия взлома весьма сложной конструкции. Огромные сверла, дрели, электрические пилы, аккумуляторы, батареи. По углам стояло три огромных шкафа, подпирающие потолок. Стальные стенки одного шкафа, в четверть аршина толщиной, продырявлены. Через проемы из поруганного нутра торчали бумаги, ворох жженого тряпья, какая-то палка с заостренным концом.

Другой шкаф пострадал не меньше. В боковой стенке шкафа виднелась огромная круглая дыра. Такое впечатление, что она была сделана в результате оружейного выстрела.

– Однако! – невольно выдохнул Виноградов, осторожно переступая через банку с кислотой. – Да здесь у вас, батенька, настоящий погром. Как же это вы так допустили?

Григорий Леонидович почувствовал, что им овладело раздражение. Самое верное средство противостоять нарождающемуся чувству – оставаться предельно вежливым, удачно используя уменьшительные слова.

– Понимаешь, в чем дело, Григорий Леонидович, ограбление произошло в выходные дни, когда в банке никого не было, так что у преступников оказалось достаточно времени, чтобы вынести награбленное.

– Как же им удалось отключить сигнализацию?

– Прошли по коридору, где располагался рубильник с сигнализацией, отключили ее, а потом уже безбоязненно принялись за ограбление.

– Что находится за этой стеной? – ткнул Виноградов в пробоину.

– Через коридор за стенкой банка размещается небольшой кабак. Название звучное – «Нива». Его хозяин некто Епифанцев Фрол Терентьевич.

– Как же это они так проникли через стену, что хозяин даже ничего не заметил?

– Я тут провел небольшое дознание...

– И что же?

– Уже целый месяц в кабаке идет ремонт.

– А что говорит хозяин? Вы его допросили?

– Конечно. – Пожав плечами, продолжил: – Уверяет, что для него самого подобное ограбление было полнейшей неожиданностью. В день ограбления банка его не было в городе.

– Это действительно так?

– На первый взгляд все так и обстоит... У него железное алиби, он гостил у своей племянницы.

Григорий Леонидович подошел к шкафу. Приоткрыв дверцу, заглянул вовнутрь. Днище шкафа было покрыто мелкой колющейся стружкой. Здесь же валялись два толстых поломанных сверла. Подняв одно из них, большое, с оплавленным наконечником, Виноградов обескураженно хмыкнул:

– Однако... И вы думаете, что это отводит от него подозрение в ограблении?

– Никак нет, Григорий Леонидович. – Теперь Волокитин обращался к старинному приятелю официально, внимательно наблюдая за действиями Виноградова. – Хозяин кабака пользуется в городе неважной репутацией. Так что он в первую очередь попал под подозрение.

Вместе с хитроумными приспособлениями в угол заботливо была прислонена самая обыкновенная фомка, какую обычно используют грабители для взламывания дверей.

Приподняв ломик, Григорий Виноградов внимательно его осмотрел. На поверхности видны свежие царапины.

– Я так понимаю, он отсутствовал как раз в то время, когда преступники сверлили стену, чтобы проникнуть в банк?

– Именно так, Григорий Леонидович, – охотно поддакнул Волокитин, не отставая от Виноградова ни на шаг.

Две электрические пилы сломались, не выдержав нагрузки, что выпали на их долю, и теперь лежали прямо посреди комнаты бесполезным хламом. Третья – исправленная, стояла у самого шкафа. Весьма серьезное орудие, таким можно не только сделать дыру в стене, но и распилить пополам металлический шкаф. Весьма основательные люди!

За ограблением пряталась капитальная подготовка. У шкафа лежали длинные металлические щипцы, какими обычно кузнец держит раскаленный металл. Смятые рукавицы валялись порознь в противоположных углах комнаты. Громоздкие батареи свалены друг на друга, огромный коловорот с поломанной ручкой лежал поверх использованных аккумуляторов.

Только одного оборудования было оставлено на несколько тысяч рублей. Так что преступники действовали с размахом, не считаясь с потраченными средствами.

– И что же он вам сказал на это?

– Что все это совершенно случайно, и к ограблению он не имеет никакого отношения.

– Для того чтобы пронести в здание все эти инструменты, потребовался не один день. Почитай, что здесь лежит с десяток пудов добра! И что, он не видел, как таскают все эти инструменты в его ресторан? У него не возникло даже малейшего подозрения, для чего им надобно это добро?

– Григорий Леонидович, я задал ему тот же самый вопрос, он сказал, что появлялся в ресторане во время ремонта нечасто. А если кто и встречался, так это рабочие, которые обязательно что-нибудь заносили или выносили.

– Вы его, конечно же, допросили и отпустили?

– Вовсе нет, арестовал, – самым будничным тоном произнес Федор Волокитин.

– Где же он?

– Сидит сейчас под замком в участке. Я хотел, чтобы вы его лично допросили.

– Хорошо... Потом поедem к нему. Но сначала я бы хотел познакомиться с директором банка. Где я могу его увидеть?

– Сейчас мы за ним пошлем, – сказал Волокитин и, повернувшись к уряднику, который неотступно следовал за ними, распорядился: – Быстро за Евстафием Иосифовичем!

– Сейчас позову.

Через минуту урядник привел невероятно приземистого человека с выпирающим брюшком. Голова у него была круглая, с заметно оттопыренными ушами, коротенькие, пепельного цвета волосы окаймляли макушку. Лицо лоснящееся, а на широком лбу проступали обильные капли пота.

– Разрешите представиться: директор банка Евстафий Иосифович Елизаров.

– Статский советник Григорий Леонидович Виноградов. А это мой помощник Виктор Алексеевич Краюшкин... Мне поручено заняться расследованием ограбления вашего банка.

– Э-эээ, очень приятно, – произнес директор, протягивая руку. Хотя его лицо говорило прямо о противоположном.

– Давайте осмотрим здание.

– К вашим услугам. Милости прошу.

Виноградов вышел в коридор и направился по зданию, заглядывая в каждую комнату. На окнах стояли крепкие решетки. Двери металлические, просто так их не вскроешь. В иных местах и вовсе было по две двери, а кроме того, длинный коридор также разделен выдвижными дверьми, которыми на ночь перегораживали коридоры.

– А где же у вас сигнализация? – удивленно спросил Виноградов у управляющего, который неотступно следовал по пятам, без конца прикладывая отсыревший платок к потному лбу.

– А вот здесь, пожалуйста! – Он подошел к небольшой картине в громоздкой золоченой раме и слегка приподнял ее. – Вот отсюда идет сигнализация. Одна линия выходит к нашему дворику, а другая проложена в комнату охраны.

– И что, были сигналы?

– Никто из них ничего не слышал, – чуток сконфузившись, отвечал директор.

Под картиной находилась небольшая дверца, покрашенная под цвет стены. Ловко придумано! Если не знать, так ни за что не догадаешься. Открыв дверцу, Григорий Леонидович внимательно осмотрел тумблеры. На первый взгляд ничего настораживающего.

– А это еще что такое?

Разбахромившись, белый провод провисал у самой стены.

– Срезали, – обреченно протянул Виноградов. – Вот поэтому сигнализация и не сработала. Понятно... А там можно и колотить по стенке, сколько душе будет угодно.

– Господи! – в который раз промокнул взмокший лоб директор банка. – Это что же оно делается-то!

– Кто из служащих знал, что здесь находится щиток?

– Только три человека, – обескураженно отвечал директор. – Кроме меня, еще начальник отдела и мой заместитель.

– Поймите меня правильно, – тактично произнес начальник сыскной полиции, – это далеко не праздное любопытство, так что не удивляйтесь моим вопросам... Они все надежные люди?

– Помилуйте! Они работают в банке не один год. Прежде такого не случалось. Честнейшие люди. Я им верю, как самому себе!

– Когда у вас проводили сигнализацию?

– Сразу после ремонта здания. Знаете ли, оно малость обветшало, дому без малого пятьдесят лет. Мы тут планировали немного расшириться, сделали пристрой... Потом еще кое-какие идеи возникли. Ну а потом провели сигнализацию.

– Через какие именно места проходила сигнализация? – осмотрелся Виноградов.

– Вывели на двери, окна... как полагается. Ну кто бы мог подумать! – воскликнул он в отчаянии.

– А вы могли бы вспомнить человека, который устанавливал в банке сигнализацию?

– Вы думаете, что он как-то замешан?.. Прошло уже полгода... Затрудняюсь сказать, – неуверенно протянул директор. – Как-то особенно не запоминал. Впрочем, попытался бы, если это необходимо.

Вытащив из портфеля кожаную папку, Григорий Леонидович разложил на ней несколько фотографий.

– Посмотрите, пожалуйста, внимательнее. Есть ли среди них тот человек, который установил вам сигнализацию?

– Вот он! – обрадованно ткнул банкир в крайнюю фотографию.

– Вы уверены?

– Он самый, никаких сомнений! Правда, здесь он немного помоложе, да и взгляд у него какой-то дерзкий. А только когда я его принимал, он был милейшим человеком. Очень понимающим, предупредительным. Знаете, никогда бы не подумал, что так могут меняться люди!

Григорий Леонидович невольно улыбнулся: «Еще одна разновидность наивности. Каких только людей не встретишь!»

– Этого милого человека, как вы изволили выразиться, зовут Константин Петрович Савицкий. Ба-альшого полета птица, – припустил в голос уважения Виноградов. – Когда-то в молодости служил в электротехнической школе, был юнкером-электротехником. Но свое дело знает очень хорошо. Прежде его приглашали делать проводку для освещения. Он явится, осмотрит как следует комнаты, проведет проводку, а потом через некоторое время ограбит

квартиру. Сигнализации проводит в основном в богатых домах... Значит, сейчас он на банки решил переключиться, ишь ты... Здесь без солидной рекомендации не обойтись. А под какой фамилией он к вам пришел, часом не помните?

– Вот ее как раз помню очень хорошо, – приободрившись, произнес директор. – Масленников у него была фамилия.

– Вы уверены?

– Абсолютно! Точно такая же фамилия у моей двоюродной племянницы.

– Понятно... Документы для него раздобыть – сущий пустяк. Видно, спер у какого-нибудь простофили и фотографию наклеил. Вот и готово... А потом в контору устроился. А когда такой куш подвалил, так решил его не упускать. Но ведь кто-то же ему сообщил о больших деньгах! А вот теперь самое время поговорить с хозяином кабака.

Глава 8

ГИБЛОЕ МЕСТО

Хозяином кабака «Нива» оказался невысокого роста мужичонка. Невероятно щуплой наружности, внешности непредставительной. Черные махонькие глаза из-под косматых бровей взирали настороженно и с опаской, как если бы ожидали какого-нибудь подвоха.

– Присаживайтесь, милейший, – предложил Виноградов, когда арестованный, застыв у порога, в ожидании посмотрел на Григория Леонидовича.

– Благодарствую, – басовито отвечал тот, неуверенно шагнув к столу.

– А ты, батенька, подожди пока за дверью, – сказал Виноградов рябоватому верзиле, сопровождавшему арестованного.

– Слушаюсь, ваше высокоблагородие, – старательно нажимая на букву «о», проговорил урядник.

– Как вас величать?

– Епифанцев Фрол Терентьевич.

– Ну-с, Фрол Терентьевич, а теперь рассказывайте.

– Чего же рассказывать-то? – недовольно буркнул арестованный.

– О том, как вы вместе с сообщниками ограбили банк, батенька, – спокойно сообщил Григорий Виноградов.

– Да вы с ума сошли, гражданин начальник! – вскочил арестованный.

– Сядьте! – стукнул Виноградов ладонью по столу. – Если не хотите, чтобы я вызвал караул... Посидите в карцере день-другой, подумайте. Авось и просветление наступит.

– Я не имею к этому ограблению никакого отношения, – тяжело опустился на стул арестованный. – Я сам пострадавший! Я буду жаловаться самому государю императору! – уверенно напирал Епифанцев.

– Жалуйтесь кому угодно. Вы мне лучше вот что скажите, как же так получилось, что ограбление произошло именно со стороны вашего ресторана? А вы при этом даже ничего не заметили?

– Я уже говорил тому дознавателю, что был до вас.

– Мне бы хотелось услышать самому.

– Во время ограбления меня не было в городе. В ресторане шел ремонт, и что там происходило, мне просто неизвестно, – заговорил он устало. – Вы лучше спросите у тех мастеровых, что делали ремонт здания. Это просто какие-то плуты! Они мне сразу не понравились. Постоянно затягивали сроки с ремонтом, а мне от этого убыток. Возможно, именно они совершили ограбление, а теперь виновным оказываюсь я. Это безобразие!

– Где же проживали ваши строители?

– В гостинице «Заря».

– Разберемся.

– Христа ради, разберитесь со всем этим делом, – сложил Епифанцев на груди руки. – Верните мне мое честное имя!

– Конвой! – громко крикнул Виноградов.

На зов начальника полиции явился надзиратель – золотом сверкнула бляха на головном уборе. Приосанившись, он бодро произнес:

– Я, ваше благородь!

– Вот что, голубчик, убери этого типа с глаз долой!

Оставшись в одиночестве, Григорий Леонидович открыл папку с делом Епифанцева. Небольшое досье, прямо надо сказать, – всего-то несколько листочков, но что-то подсказы-

вало ему, что в ближайшее время оно должно пополниться новыми данными. Вытащив из дела лишнюю фотографию, он уложил ее в конверт вместе с остальными фотографиями и аккуратно поместил в саквояж. Наверняка господин Епифанцев где-то оставил после себя нелестную память.

* * *

Гостиница «Заря», несмотря на столь броское название, располагалась на самой окраине города, где кабаков и прочих питейных заведений было больше, чем жилых домов. Место гиблое, нехорошее. Пропивалось и прогуливалось здесь все до последней копейки, до последних рваных сапог.

– Ваше высокоблагородие, вы бы уж один-то не шибко туточки разгуливались, – взмолился полицейский. – Народ-то здесь уж больно шальной проживает.

– Ничего, братец, как-нибудь управлюсь.

В гостиницу «Заря» Григорий Леонидович направился в сопровождении околоточного надзирателя. Высоченный, вымахавший в коломенскую версту, он уверенно направлялся в сторону гостиницы. Немногие прохожие, встречавшиеся на его пути, почтительно приподнимали шапку, непременно приговаривая:

– Здрасте, ваше высокоблагородь.

В ответ околоточный лишь сдержанно кивал.

Кафтан из темно-зеленого сукна безукоризненно отглажен, стоячий воротник с оранжевым кантом стянут шерстяным галстуком военного образца. Шаровары из серо-синего сукна с оранжевой верхушкой заправлены в сапоги, начищенные до зеркального глянца. Околоточный иной раз останавливался – очевидно, для того, чтобы созерцать свой облик на сапогах, а потом вновь двигался далее, пугая напускной сосредоточенностью местных обитателей.

У пивной четверо мастеровых громко бранились. Ругань была серьезной и ожесточенной, грозила перерасти в нешуточную драку.

Похлопав для убедительности широкой ладонью по кобуре из черной глянцевой кожи на оранжевом шнуре с трехцветной гайкой, он громко закричал через улицу:

– Мать вашу!... Вот я вам ужо! Будете у меня баловать!

Ругань мгновенно смолкла. Приподняв картузы, мастеровые едва ли не враз приветствовали полицейское начальство:

– Здравия желаю, ваше высокоблагородь!

Для верности помахав пудовым кулаком, околоточный важно и степенно направился дальше. Обернувшись к поотставшему Виноградову, сдержанно заметил:

– Гнусное место, ваше высокоблагородие.

– Чем же оно гнусное, братец? – вяло полюбопытствовал Григорий Леонидович, больше для поддержания разговора, чем из любопытства, не забывая при этом поглядывать по сторонам.

Создавалось впечатление, что дворники здесь не приживались – на улицах неприглядным образом раскидан сор, обрывки бумаг, гнилое тряпье. Из распахнутых дворов разило зловонием.

– Едва ли не каждый день убийство, ваше высокоблагородь. Через одного – громилы, и у всех рожи разбойные. Углядели у пивного ларька четверых?

– И что?

Со всех углов на них посматривали недоверчивые, настороженные взгляды, явно ожидающие какого-то подвоха. Но, судя по всему, околоточный имел авторитет немалый, – поспешно скидывал картуз всякий, на ком полицейский задерживал свой тяжеловатый взгляд.

– Трое из них на каторге в арестантских ротах побывали.

– Вот даже как, и за что же?

– Налет! А четвертый, если не сегодня, так завтра там окажется.

– А как тебе, голубчик, гостиница «Заря»?

Мимо них промчался экипаж. Извозчик с вытаращенными глазами немилосердно пого- нял пегую лошадку. Завернувшись в шинель из серого тонкого сукна, на креслах расположился молодой барчук, со страхом и отвращением наблюдая за никчемной жизнью, проносящейся мимо. По одному взгляду было понятно, что здесь он человек случайный, – видимо, посулив ломовому полтину, пожелал познакомиться со всеми срамными местами сразу.

Уже через два переулка его будет встречать совершенно иная жизнь – с богатыми витри- нами магазинов, тяжелыми экипажами, запряженными сытой тройкой, и праздно прогуливаю- щейся публикой в дорогих костюмах и платьях. О своем стремительном посещении окраины, под названием Грязев переулок, он будет рассказывать приятелям как о настоящем приклю- чении.

Григорий Леонидович с улыбкой проводил взглядом удаляющуюся пролетку.

– Поберегись! – уже вдали раздался неистовый голос возницы, а потом повозка скрылась в одном из неприметных переулков.

– Срамно там, ваше высокоблагородие! – честно признал урядник. – При прежнем хозя- ине там дом терпимости располагался. Девки шальные ошивались. А когда он помер, царствие ему небесное, – привычно перекрестился надзиратель, – так наследник под гостиницу ее про- дал.

Околоточный надзиратель шагал широко, и Григорий Леонидович, стараясь поспевать за ним, норовил угодить в шаг.

– Ах, вот оно что. Но управились?

– То без толку, – махнул рукой детина. – Как хаживали барышни, так и хаживают. Правда, теперь на гривенник больше берут, но для рабочего человека это не накладно.

– Что-то собак здесь многовато, – поморщился Григорий Леонидович, за приметив, как псы, сбившись в большие стаи, по-хозяйски расхаживали по улицам.

– Вон там Песий переулок, – просто объяснил урядник, махнув в сторону неприглядной улицы с кучами мусора вдоль облупившихся фасадов зданий. – Живодерня в самом конце, а там яма для отходов. Вот собаки и сбежались сюда с ближайших околотков. А гостиница «Заря» как раз рядышком стоит.

– Ну и соседство! – невесело буркнул Виноградов. – Так где же тут гостиница?

– А мы уже пришли, ваше высокоблагородие, – поспешно отозвался урядник, показав на здание, стоящее по правую руку. – По ступенькам и – на второй этаж.

* * *

Главу артельной бригады разыскали быстро. Расположился он в отдельном номере, окна которого выходили во двор. Через них просматривался покосившийся деревянный забор с могучими тополями, посаженными рядком, ветхая уборная с прогнившими ступенями.

Степенный, с широкой бородой, бригадир недоверчиво глянул на Виноградова, перевел взгляд на сурового урядника и, смирившись, спросил:

– Так что за надобность, господа?

– Я Григорий Леонидович Виноградов, начальник Московской сыскной полиции. А тебя, братец, как величать? – по-приятельски обратился Виноградов к постояльцу.

Трезв. Опрятен. Отглаженная рубашка подпоясана шелковым кушаком, бархатные концы которого свисали едва ли не до самых колен. Мужик ладный. Располагающий. Едва ли не един- ственное трезвое лицо, встреченное за последние два часа. Даже в голосе чувствовалась какая- то основательность, невольно обращающая на себя внимание.

– Иннокентий Петрович Спиридонов, – басовито прогудел мастеровой, опять покосившись на урядника, шагнувшего в номер.

– И откуда ты будешь?

– Так я ж...

– Да ты, братец, присаживайся, – великодушно разрешил Виноградов, показав на табурет, стоящий у самого стола. – Чует мое сердце, долгий у нас будет разговор.

– Вот только с чего бы это долгий? – удивленно протянул мастеровой. – Неужто чего нарушил? А может, вы по поводу той тетки, что на базаре свое хайло разинула? – осторожно поинтересовался он.

– А что за тетка?

– Да на мясном ряду... Купил на полтину мяса, так она мне сдачи не дает. А я ведь мастеровой, каждую копейку привык считать. Ну и закатил ей этим куском мяса в рыло, – честно признался Спиридонов. – Так неужели из-за этого к околоточному?

– Нет, приятель, мы к тебе совсем по-другому делу. Ты сам откуда родом будешь?

– Из-под Ярославля. Деревня там есть такая – Медведково. Вот оттуда и родом.

– И давненько ты в мастеровых?

– Да с малолетства почитай. У нас в деревне все мастеровые, кто по плотницкому делу, а кто по металлу разумеет. А я больше кладкой промышляю.

– Сегодня какой у нас день?

– Воскресенье.

– А чего же ты, милоч, трезв? – весело подмигнул Виноградов. – Неужели не тянет?

– Нельзя мне, из староверов я, – просто объяснил Иннокентий Спиридонов. – Ни хмеля, ни табака.

– Может, ты и бранными словами не ругаешься?

– Чертыхаюсь, – вздохнул каменщик, – только потом молюсь долго.

– Ах, вот оно что. Ладно...

Урядник приник к окну. Вид на покосившийся клозет его заинтересовал всерьез.

– Ты знаешь о том, что по соседству с рестораном, где ты работал, ограблен банк? И в помещение проникли именно через ресторацию, где ты работал?

– А то, как не знать? – с горечью выдохнул Спиридонов. – Уже который день без работы маюсь. Все сбережения уже проел. Вот я и думаю, с чем же я тогда в деревню возвращаться буду?

– Сколько человек вас там работает?

– Шесть мужиков. Один отхожее место обкладывает, еще двое в трапезной мастерят, ну а я с братьями стены штукатурю. Работы хватало! – махнул он рукой.

– А чужих никого не заприметили?

Вдоволь наглядевшись на покосившиеся дворовые строения, урядник сел на стул и, сняв шапку, принялся натирать бляху мягкой ветошью. Солнечный луч падал на золоченую поверхность и, будто бы балуясь, пускал крохотные блики на Виноградова и мастерового.

– Заприметил, – уверенно произнес мастеровой. – Барин нас в доме долго не держал, выгонял сразу с сумерками. А вот после нас еще людишки какие-то приходили. Нам не чета! – махнул он рукой. – Сразу видно, что из богатеньких.

– Можете сказать, сколько их было?

– Сколько их было, сказать не могу. Сначала одного увидел с кожаным саквояжем, потом другого. А еще и в кабаке народ был, это точно!

– С чего ты взял?

– Как же не быть, коли они там чего-то постукивают. И явно металл об металл колотят. Я еще тогда подумал, где же они железо там отыскиали?

– Как они выглядели? – стараясь держаться спокойнее, спросил Виноградов.

– Пальто на каждом из дорогого сукна. Мне такого век не носить. Штиблеты на тонкой подошве, да еще каждый при тросточке.

– Чего же вы дознавателю об этом ничего не сказали? – раздосадованно поинтересовался Григорий Леонидович.

– Ды, никто и не спрашивал.

– Узнать их сможете?

– А чего же не узнать, ежели я с ними нос к носу столкнулся? Помнится, я тогда из кабака с инструментами выходил, а они как раз по ступенькам поднимались. Одного из них я едва плечиком не зацепил. Он только шляпу приподнял и сказал уважительно: «Прошу прощения». Сразу видно – белая кость. И далее потопал. А другого я увидел, когда вечером за плашкой приходил. Минут пятнадцать стучался, прежде чем открыли.

– И кто же тебе открыл?

– А пес его знает! – выругался в досаде мастеровой. – По виду сущий барин. В дорогом сюртуке, при галстуке. А вот глаза у него шалые, я это сразу подметил. Так глянул, что у меня внутри все оборвалось, – честно признался Спиридонов. – С такими глазищами только на большой дороге стоять да кистенем размахивать.

– Вот что, милоч, я сейчас покажу тебе фотографии, а ты постарайся узнать в них своих знакомых.

Раскрыв саквояж, Григорий Леонидович извлек папку с фотографиями.

– Вот, батенька, взгляни сюда, – разложил он снимки перед мастеровым. – Узнаешь кого-нибудь?

– А чего тут узнавать? – невесело буркнул мастеровой. – Вот он и есть, – поднял он одну из фотографий. – Тот самый, с которым я на крыльце столкнулся. Только тогда у него усы были, а здесь он совсем без усов.

– Вот как, а что за усы?

– Тонкие такие, стриженные. По всему видать, он за ними очень ухаживал.

– Видишь, как у нас с тобой, братец, дело-то хорошо пошло, – довольно протянул Виноградов. – А может, здесь кого припомнишь?

– Ишь ты, барин, – хмыкнул мастеровой, – как у вас все ладно получается. Это что же выходит, в саквояже все преступники находятся?

– Не все, но кое-кто имеется. А ты внимательнее смотри, никого не пропускай.

– Кажись, вот этот, – поднял мастеровой фотографию, лежащую в самом центре. – Он мне дверь открывал. Только здесь, на карточке, уж больно он худощ, а так помордатеет будет.

Отложив в сторону фотографию, Виноградов мягко настоял:

– Может, еще кого приходилось встречать их тех людей? Может, где на улице или в бакалее приметил?

– Нет, не встречался, это точно... Вот, правда, этот уж больно похож на нашего деревенского конюха, – взял он крайний снимок справа. – Но он далее своей деревни не уезжает.

Аккуратно сложив фотографии в папку, Григорий Виноградов произнес:

– Ты вот что, братец, покудова никуда не съезжай. Возможно, что нам еще понадобится.

– А куда мне без капиталу уезжать? – пожал дюжими плечами мастеровой. – Барин нам за неделю задолжал, а потом прибавку обещал. Я тут к его супружнице наведывался. Так и так, говорю, барыня, расчет бы получить.

– А она что?

– Только фыркает, говорит, что ничего не знает. Пока муж сидит в каземате, сделать ничего не может. А вы, барин, не ведаете часом, надолго его заперли?

– Не знаю, милоч, – поднялся Григорий Леонидович. – Это уж не от меня зависит.

– Вы бы уж пособили, барин.

– Сделаю все, что смогу.

Глава 9

ЛОВКИЙ ШЕЛЬМЕЦ

Вернувшись в управление, Виноградов встретился с Краюшкиным.

– Вот что, милейший, – произнес он, протягивая ему фотографию хозяина ресторана. – Меня очень интересует вот этот человек. Епифанцев Фрол Терентьевич. Хозяин ресторана «Нива».

– Ресторан соответствует названию?

– Обыкновенный второсортный кабак... Этот Епифанцев весьма любопытная личность. Что-то мне подсказывает, в его биографии не все так гладко, как это может показаться на первый взгляд. Теперь об этих двоих, – положил Виноградов на стол два снимка. – Первого из них зовут Тимофей Иванович Макарец, а второго – Ираклий Зосимович Евдокимов, их узнал мастеровой, который работал в кабаке. Но, надо признать, о них нам известно крайне мало. В нашем положении следовало бы знать поболее... Одному тридцать пять лет, другому – двадцать восемь. Оба происходят из весьма обеспеченных и уважаемых семей. Получили недурное образование, умны. Любят кураж, женщин, что подразумевает немалые траты. Это общее, что их объединяет. Итак, первый из них, Макарец, – ткнул Виноградов пальцем в снимок, – происходит из мелких дворян. К преступному ремеслу был склонен еще в гимназии. Крал в шинелях мелочь у приятелей. Однажды был задержан околоточным.

– За что?

– По подозрению в краже кошелька у одной дамы. Но кошелек у него так и не был найден, а его самого пришлось отпустить. Но, скорее всего, кошелек он просто скинул своим приятелям.

– Ловкий шельмец!

– С год пробыл в арестантских ротах. Потом решил заниматься делами более серьезными, взялся за сейфы. Но поначалу у него не было должной сноровки, просто с приятелями взламывал их «фомкой», потом освоился. Изучил разные системы сейфов и принялся открывать их самостоятельно.

– Он всегда работал самостоятельно?

– Обычно с наводчиками и скупщиками. Именно они заказывали ему, какой сейф следует брать. Они же узнавали, когда в шкафу будут находиться большие деньги, в какое время отлучается хозяин, что за сторожа его караулят, насколько они добросовестны, с какой стороны легче забраться в помещение. В общем, они узнают наиболее благоприятную ситуацию для ограбления. А когда все подготовлено, то приглашают его для ограбления. Он один из тех, кто может открыть самый сложный сейф. Таких медвежатников, как он, немного, их можно пересчитать по пальцам. Из этого можно составить его психологический портрет. Можно предположить, что такой человек должен обладать определенным набором волевых качеств. Во-первых, быть дерзким. То есть по-настоящему лихим человеком, не боящимся опасностей. Там, где сейф, там всегда опасность... Он должен быть умелым, потому что нужно знать, как именно открыть сейф. Сейчас, батенька, делают такие механизмы, что ни одно сверло не возьмет! Иной подойдет к такому сейфу с долотом и не знает, куда его сунуть, да и уйдет себе с миром. Так что здесь задействован не только опытный человек, но и очень способный. И, пожалуй, последнее, такой человек обязан быть крайне сообразительным. Иной вскроет сейф и не знает, чего же из него забирать. – Хихикнув, продолжал: – Был в моей практике такой случай, когда медвежатник побрезговал векселями на сумму в полтора миллиона рублей и взял крохотную наличность, лежавшую на самом видном месте.

– Почему же он не взял векселя? – поинтересовался обескураженный Виктор Краюшкин.

Улыбнувшись хитро, Виноградов отвечал:

– Я у него спросил о том же самом. И знаете, что он мне ответил?.. Это фантики!

– Право, это даже не смешно.

– Так что, кроме смекалки, должен быть еще определенный кругозор, и такой человек просто обязан разбираться во всех этих финансовых документах. Так вот я вам скажу, милейший мой Виктор Алексеевич, хороший медвежатник должен обладать еще и большой сообразительностью. А таких людей, если покопаться, не так уж и много. Может быть, на всю империю наберется не более пяти человек. Они называются шниферами. И услуги их стоят весьма дорого!

– И Макарецев входит в их число?

– Разумеется! И вот такой наводчик намечает для ограбления какой-нибудь магазин, в сейфе которого находится весьма значительная сумма. Вызывает условной телеграммой шнифера, который может ограбить этот магазин, обговаривает причитающийся ему процент – и дело пошло!

– Мне кажется, что вас что-то смущает? – осторожно поинтересовался Краюшкин.

– Смущает, – неохотно признался Виноградов. – То, что он перестал пользоваться услугами наводчиков и скупщиков. Теперь он не наемный человек, а сам организует свои дела. Следовательно, у него появились очень большие деньги, если он может расплачиваться с теми, кто поставляет ему информацию. И подозреваю, что справиться с ним будет очень непросто. Знал я одного такого шнифера... Двадцать лет за ним гонялся, но он был так умен, что всякий раз уходил от наказания. А потом, когда накопил немалый капитал, купил бакалею и теперь процветает.

– Здесь все ясно, а что вы можете сказать по Евдокимову?

– Ираклий Зосимович Евдокимов тоже весьма любопытная личность. Этот происходит из весьма состоятельной семьи, даже непонятно, какая оказия подвигла его на такое дело. Весьма способный малый! Учился в гимназии. Впрочем, из последнего класса был отчислен за то, что залез в форточку и выкрал журнал посещаемости. Как только отец не уговаривал начальство взять сына обратно, ничего ни помогло. Известно, что сулил большие деньги. Даже церковь обещал построить. Собственно, с этого поступка все и началось. Свою карьеру Евдокимов начал как обыкновенный форточник. Залезет поутру в окно, пограбит, что может, а потом так же незаметно исчезает. Утром магазин откроют, а там пусто. А попался по-глупому. Сошелся он как-то с проституткой, что в меблированных комнатах проживала, так же как и он. И захотел он ее как-то подивить дорогими духами. Залез под утро в парфюмерный магазин да вытащил там всякого добра. Вот этот мешок и вручил своей возлюбленной. А та раздала своим подружкам. Ну и пошло... А хозяева уже заявили, что парфюмерный магазин ограбили. Стали дознаваться, откуда у гулящих девок дорогие флаконы с духами да пудра разная. Они и указали на него. Вот и попался мальчишка! Дали ему два года арестантских рот. Вернулся. Да, видно, его на более серьезные дела потянуло. Видно, с кем-то из медвежатников в тюрьме сошелся, а те видят, что парень очень смысленный, вот и решили его привлечь. Некоторое время он был большой специалист по взлому в лоб. Только я знаю три таких случая. А сколько их вообще! Однако доказать мы так ничего и не смогли.

– А как ему удалось ограбить?

– Грабят они магазины, как правило, на людной улице, да так, что никто ничего и не замечает. Наводчиками бывают бывшие приказчики, уволенные хозяином, которые просто хотят отомстить. Например, так был ограблен магазин «Лондонский туман». Евдокимов зашел под видом богатого клиента в кабинет к хозяину, сказав, что у него назначена встреча. Причем вел он себя при этом так уверенно, что приказчики просто гнули перед ним шеи. Пробыл в его кабинете пятнадцать минут, после чего разочарованно ушел, сказав, что времени дожидаться

у него более не имеется. А когда через полчаса пришел хозяин, то обнаружилось, что из сейфа пропало бриллиантовое кольцо на сумму сто тысяч рублей.

– Однако, он смел!

– Вот такие нам придется решать дела. Теперь я вижу, что они изрядно между собой спелись. Оба отбывали срок в Краснодарской тюрьме, так что не исключено – именно там и сошлись. А теперь, когда они вместе, стали вдвойне опаснее. – Виноградов поднялся. – Ладно, у меня еще много дел. Подготовка к ограблению заняла не один день. А следовательно, им приходилось где-то проживать все это время. Думаю, в какой-нибудь третьесортной гостинице. А вы подробнее узнайте о хозяине кабака.

Кивнув на прощание, Виноградов ушел.

* * *

В сопровождении урядника Виноградов направился в ближайшую гостиницу. Огромное четырехэтажное здание, вытянувшееся едва ли не на весь квартал, с небольшими грязными окнами и облупившимся фасадом, производило унылое впечатление. Но представлялось идеальным местом, где можно было затеряться среди его обитателей и неузнанным прожить здесь недели две.

Приказчиком гостиницы оказался круглолицый человек с лощеной физиономией и зализанными на пробор волосами. Крохотные бегающие глазки выдавали в нем человека осторожного и крайне подозрительного. Если покопаться в его биографии, так наверняка можно было бы отыскать немало дурных страстишек.

При виде вошедшего урядника губы его разлепились в широкую заискивающую улыбку. Морщины на полноватом лице углубились, и в какой-то момент Виноградову показалось, что кожа на его лице должна непременно лопнуть от большого усердия.

– Вы к нам по делу или изволите отдохнуть? – выскочил из-за стойки крепыш.

– Вот что, Епифаныч, – произнес урядник, припустив в голос надлежащую суровость. – Вот этот господин у тебя будет спрашивать, а ты ему все в точности передашь. А то я тебе ужо! – погрозил он для убедительности кулаком.

– Как же можно, – заискивающе произнес толстяк, с уважением поглядывая на Виноградова. – Неужто я не понимаю, сразу видно, что господин больших чинов. Обхождение требуется.

На вошедших уже обратили внимание, взирали кто с откровенным любопытством, а кто с опаской. С виду обыкновенное здание, но стоит только потоптаться, так на каждом этаже можно отыскать по полдюжине притонов. Очевидно, местные обитатели не брезгают и скупкой краденого. Следовало бы наведаться как-нибудь сюда в сопровождении взвода полицейских, а потом этаж за этажом очистить здание от скверны.

На какое-то мгновение взгляд Григория Леонидовича столкнулся с глазами хромоного и с виду совершенно безобидного мужчины, опирающегося на суковатую палку. По всему видать, юродивый, обделенный божьим вниманием, а в действительности типичный наводчик – неприметный, корявый. Сядет такой бродяга у богатого магазина милостыню просить, и ни за что не догадаешься, что в этот самый момент, когда он выпрашивает копеечку у прохожего, в действительности подсчитывает товарооборот бакалей.

Состряпав равнодушное лицо, калека, неловко подгибая под себя негнущуюся ногу, потопал по длинному, слабо освещенному коридору.

Григорий Леонидович едва ли не крикнул от досады. Новость о приходе полиции мгновенно распространится по всей гостинице, так что уже через минуту в ней невозможно будет встретить даже безобидного карманника.

– Давайте, милейший, пройдемте куда-нибудь в каморку, – предложил Виноградов, – где нам никто не помешает.

– Это пожалте! – оживился толстяк. – У меня имеется комната для особо почитаемых гостей. Так что милости просим!

Комнатой для особо важных гостей в действительности являлось темное помещение со старыми обоями, протертыми до самой штукатурки. Крохотный стол, на котором стояла лампа без плафона, небольшое окно с давнишними занавесками, скрученными в плотные веревки. Два кресла с ободранной материей – вот, собственно, и весь изыск.

Присев на кривенький стул, Григорий Леонидович выудил из сюртука заготовленные фотографии.

– Узнаете здесь кого-нибудь?

Разложив веером фотоснимки, Виноградов вцепился взглядом в глаза приказчика.

Взгляд, поначалу равнодушный, вдруг потемнел, когда он глянул на медвежатника Тимофея Маканцева. Лицевой нерв неприятно дернулся, еще более углубив морщины. Но уже в следующее мгновение лицо приняло безмятежное выражение. Уже как будто бы ничто не свидетельствовало о буре, пролетевшей в душе, вот разве что уголки губ ставли еще более твердыми.

– Вы кого-нибудь узнали? – спросил Виноградов.

– Ну... Впрочем, нет.

– Посмотрите повнимательнее, – припустил Виноградов в голос жестковатые интонации. Взяв снимок Тимофея Маканцева, сказал: – Мне кажется, что этот человек вам знаком.

Вымученная улыбка, за которой могло прятаться все, что угодно: от недоумения до откровенного страха.

– Этот человек очень напоминает одного постояльца, который прожил в гостинице около месяца.

– Как его звали?

– Кажется, Макариев...

– А может, Макацев?

– Точно, Макацев! Только на фотографии он выглядит несколько помоложе.

Виноградов невольно хмыкнул:

– Немудрено. Потому что этот снимок впервые был сделан пятнадцать лет назад в полицейском участке. Потом он был столь осторожен, что предпочитал больше не попадаться. Кто к нему приходил, можете сказать?

– Вы меня поймите, – извиняющимся тоном продолжал приказчик, – народу у нас бывает очень много, за всеми не уследишь. Многие останавливаются всего лишь на один-два дня. Я его запомнил потому, что он проживал у нас почти с месяц. Но вел себя прилично, ничем не выделялся, не безобразничал.

– Когда он уходил? Когда приходил?

– Уходил он после обеда, но вот приходил всегда поздно. Это я вам точно могу сказать.

– Он принимал кого-нибудь из гостей?

– Были какие-то гости, но чаще всего это бывали женщины.

– Что за женщины?

Пожав плечами, приказчик отвечал:

– Разные.

– А когда он съехал?

– Неделю назад.

Виноградов призадумался. Съехал Макацев за два дня до ограбления. Все логично, в этой гостинице он пробыл достаточно долго, успел примелькаться и, чтобы не рисковать, решил перебраться на новое место. Не исключено, что оставшиеся два дня он просто провел у одной из своих многочисленных знакомых.

– Вот что, если он у вас появится, пожалуйста, сообщите об этом господину уряднику. А уж он знает, что нужно делать.

– Непременно, – с видимым облегчением произнес приказчик, провожая неожиданных гостей до самых дверей.

– Вы, ваше высокоблагородие, не переживайте, я буду наведываться, – басовито и очень серьезно пообещал урядник, бросив сердитый взгляд на приказчика. – Они тут у меня вот где! – сжал он в кулак растопыренные пальцы.

* * *

В последующие четыре часа Виноградов с урядником посетили еще четыре гостиницы. Управляющие и половые внимательно рассматривали фотографии, но ни один из них не признал в них своих постояльцев. По-настоящему крупно повезло только в шестой гостинице. Приказчиком оказался давнишний клиент урядника, – некогда мелкий карманник, промышлявший на базарах. Их тесное знакомство началось с того, когда однажды, сшибая очередной пятак, тот по неосторожности залез в карман к уряднику, праздно разгуливавшему по рынку. Несмотря на природную расторопность, карманник был пойман. Урядник, пребывая в благодушном настроении, отводить мальчика в участок не пожелал, лишь крепко надрав ему уши, отпустил восвояси, пообещав в следующий раз выпороть прилюдно.

Как это ни удивительно, но преподнесенная наука не пропала даром. Завязав с воровским промыслом, отрок устроился в гостиницу, где вскоре дорос до приказчика. Завидев крестника, урядник долго хлопал его по плечу, выражая тем самым свое расположение, и, хитровато поглядывая на Виноградова, говорил о том, что у парня был настоящий талант щипача, и, не оказавшись в свое время на его пути полицейского, тот непременно дорос бы до марвихера.

Терпеливо переждав неожиданный всплеск эмоций со стороны урядника, Виноградов разложил на стойке с дюжину фотографий, поинтересовавшись у приказчика:

– В твоей гостинице проживал кто-нибудь из этих господ?

Едва глянув на разложенные снимки, детинушка без колебаний поднял фотографию Макарецва.

– Вот этот останавливался в гостинице, – уверенно проговорил он. Тонкий изящный палец слегка царапнул по глянцевой поверхности, оставив едва заметный след. – Месяца два назад проживал в меблированных комнатах.

– Как долго?

– Недели три будет.

Такие изящные пальцы, должно быть, в свое время немало неприятностей доставили ротозеям. Губы Виноградова тронула снисходительная улыбка: «Такой талант пропадает!»

– Как его зовут, знаешь?

– Он назвал себя Афанасьевым Петром Макаровичем.

Виноградов невольно хмыкнул.

– У меня ведь его фотография осталась, – сообщил приказчик. – Когда он съехал, половой уборку в его номере делал, ну и нашел. Наверняка берег ее, шибко дорогая!

– Где же лежала фотография?

– Залетела под шифоньер. Ну, я и оставил ее пока себе, вдруг хозяин захочет взять.

– Принесите ее, – распорядился Виноградов.

– Сей момент, – удалился приказчик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.